

Научно-издательский центр
ОТКРЫТОЕ ЗНАНИЕ

РИНЦ УДК ББК ISBN ISSN DOI ORCID SCOPUS CODEN

Роскомнадзор Эл № ФС 77 – 65368

РИНЦ 358-05/2015

ISSN 2412-8953

УДК 8

ББК 80/83

Международный научно-
практический журнал

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

№11 / 2016

г. Нижний Новгород
www.scipress.ru/philology

УДК 8
ББК 80/83

Ф 51

Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2016. – №11. – 97 с.

ISSN: 2412-8953

В международный научно-практический журнал «Филологический аспект» №11/2016 включены статьи по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран. Журнал предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли научное рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а так же за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ по договору № 358-05/2015.

Электронная версия номера находится в свободном доступе на сайте журнала <http://scipress.ru/philology>

При перепечатке материалов сборника статей ссылка на сборник обязательна.

УДК 8
ББК 80/83

ISSN: 2412-8953

© Научно-издательский центр
«Открытое знание», 2016

© Коллектив авторов, 2016

© Индивидуальный предприниматель
Плесканюк Т.Н., 2016

Редакционная коллегия:

Плесканюк Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (Мининский университет).

Редакционный совет:

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва.

Грачёв Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, заведующий Лабораторией социопсихолингвистических исследований, член Гильдии лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам, член диссертационного Совета по защите кандидатских и докторских диссертаций в ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Костецкий Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова.

Кудряшов Игорь Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Арзамасского филиала ННГУ им. Н.И. Лобачевского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова.

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования.

Пацюкова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (Мининский университет).

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ.

Сартакова Елена Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономики и инвестиций филиала Южно-Уральский государственного университета г. Снежинска.

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и европейских языков, директор ресурсного центра итальянского языка Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова.

Солодовникова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

Твердохлеб Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета.

Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет, ответственность за достоверность информации несут авторы статей

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ.....	6
Землянова О.Г. Характерные особенности сленга в англоязычном интернет-дискурсе: аббревиатуры и усеченные слова	6
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ.....	12
Красовицкая Ю.В. Ф. Ницше и экспрессионистская идея обновления.....	12
РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ	21
Салихова О.К. Новостной текст франкоязычной прессы: особенности содержания	21
РУССКИЙ ЯЗЫК	27
Долженкова А.И. Смысл «колебание» как компонент процесса коммуникации	27
Мингазетдинова Р.Ф. Содержательные связи в семантической структуре предикатов-полисемантов со значением «устная речь» в русском языке	30
Твердохлеб О.Г. Глаголы субъектно-объектного перемещения, ориентированного относительно конечного пункта (субъектная валентность; изосемические конструкции)	37
ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ	44
Землякова Е.А. Анализ пейзажной единицы в художественном тексте (на материале произведения А.К. Doyle "The Adventure of the Devil's foot")	44
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА	49
Огнева Е.А. Алгоритм построения когнитивной текстовой социокультурной модели	49
Сунарчина Г.И. Некоторые аспекты передачи культураносной информации в процессе перевода с английского языка на русский.....	55

ФОЛЬКЛОРИСТИКА.....	59
Гуменюк О.Н. Драматизм и диалогичность эмигрантской фольклорной лирики крымских татар (на примере песни «Кетеджекмен Джан Достым» – «Ухожу я, милый друг»)	59
Левченко Г.Д. Монография об эмигрантской народной песне крымских татар.....	66
ЯЗЫКОЗНАНИЕ.....	72
Гаджикеримова Э.Г. Лингвокультураны в описании городского ландшафта (на материале романа А. Стендаля «Le rouge et le noir»).....	72
Куценко А.А. Реконструкция исторических событий Эдвардианской эпохи в дискурсе телеформата	76
Никулина Д.Е. Определение лингвистического понятия иронии	83
Полонникова О. Л. Компрессия как средство выражения закона языковой экономии в современном английском языке	87
Эрдниева Е.А., Анджаева О.А., Лиджи-Горяева М.С. Английские заимствования в китайском языке.....	91

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.11

Землянова О.Г. Характерные особенности сленга в англоязычном интернет-дискурсе: аббревиатуры и усеченные слова

Features of slang in electronic discourse: abbreviations and clippings (English language)

Землянова Оксана Григорьевна

Белгородский государственный
национальный исследовательский университет

Zemlyanova Oksana Grigoryevna

Belgorod National Research University

Аннотация. Целью статьи является анализ специфических особенностей сленга, характерного для дискуссионных формаций интернет-дискурса, в частности таких явлений, как аббревиация и усечение слов, а также определение их основных функций. В статье раскрывается содержание понятия «интернет-дискурс» с указанием характерных свойств интернет-коммуникации. Выявлено, что для языка интернет-коммуникации свойственно языковое новаторство, обилие нестандартных явлений на лексическом уровне, их развитие и закрепление, если они в достаточной степени обладают экспрессивными характеристиками. В результате обобщения материалов исследования обнаружено, что лексические инновации, в частности многочисленные аббревиатуры, будучи очень ёмкими элементами, позволяющими экономить время и усилия в процессе коммуникации, являются результатом самовыражения, самоидентификации, стремления коммуникантов к неординарности, а также способом привлечения внимания и усиления интереса к сообщению и, кроме того, могут выполнять функцию засекречивания сообщения или эвфемистическую функцию. Изобилующие в анализируемом сегменте интернет-дискурса аббревиатуры и усеченные слова способствуют поддержанию атмосферы неофициальности и непринужденности, что, в свою очередь, благоприятствует результативному общению.

Ключевые слова: интернет-дискурс, сленг, аббревиатуры, усеченные слова.

Abstract. The article deals with the analysis of slang features in discussion-based communication in electronic discourse, i.e. slangy abbreviations and clippings and examines the main functions thereof. The article covers interpretation of electronic discourse, involving internet communication features. The research has shown that the language of the Internet is a source of linguistic innovations, non-standard usage of language, emerging and becoming common if they are expressive enough. Using the collected data we found out that lexical innovations, i.e. numerous abbreviations, being very short but comprehensive elements, saving time and efforts during communication, result from the way users express their personalities, identities, non-conformity, as well as the way users attract attention and trigger interest. Furthermore, they may hide certain parts of conversation and offensive expressions. Abbreviations and clippings abound in analysed types of electronic discourse contribute to informal and relaxed environment that enables effective communication.

Keywords: electronic discourse, slang, abbreviations, clippings

В современном мире Интернет является информационно-коммуникативной средой, которая приобретает все более глобальное и доминирующее значение. Результатом стремительного развития информационных технологий стало возникновение новых форм коммуникации.

Для языка интернет-коммуникации характерны как признаки письменной и устной речи, так и специфические свойства компьютерно-опосредованной коммуникации [3, с. 48], следовательно, можно говорить о формировании нового типа дискурса, интернет-дискурса, с собственными коммуникативными жанрами.

Интернет-дискурс, «представляя собой многожанровую функциональную разновидность публичной монологической и диалогической речи, характеризуется целым рядом специфических коммуникативных средств» [1, с. 7]. Своеобразие интернет-коммуникации заключается, помимо прочего, «в комбинации лексических единиц, относящихся к разным стилям и регистрам, образованным в соответствии с прагматическими установками и целями общения в компьютерной сети» [1, с. 7].

В качестве характерных свойств интернет-коммуникации отмечают: «дистантность, опосредованность, мультимедийность (и как следствие — поликодовость сообщений), гипертекстуальность, разнообразие дискурсивных

и жанровых воплощений, а также возможность широкого варьирования по параметрам персональность/институциональность» [2, с. 5].

Интернет-коммуникация в рассматриваемых нами дискурсивных формациях по большей части реализуется в письменной форме, но поскольку она предполагает неформальность общения, в чем заключается ее схожесть с разговорной речью, и предоставляет возможности самовыражения, правила построения и оформления письменной речи очень часто не соблюдаются участниками коммуникации. Это наиболее явно прослеживается в дискуссионных формациях коммуникации интернет-дискурса (например, на форумах, в коммуникации посредством использования сервиса микроблоггинга, сервисов обмена мгновенными сообщениями, в диалогах в блоке комментариев к блогам и т.п.), где речь, как правило, является неподготовленной, спонтанной. В частности, несоответствие нормам письменной речи отмечается на лексическом уровне и выражается в широком и повсеместном использовании аббревиатур, акронимов, усеченных слов. При этом аббревиация является неотъемлемым признаком коммуникации в указанных формациях и в настоящее время применяется не только в отношении отдельных слов и словосочетаний, которые целесообразно подвергаются сокращению, находясь в частом употреблении, но даже в отношении целых предложений.

Коммуникация в рамках проводимого нами анализа максимально насыщена сленгом, который является результатом самовыражения, самоидентификации, эксцентричности коммуникантов, поскольку безграничные возможности, предоставляемые в сети Интернет, способствуют возникновению лексических инноваций, в частности многочисленных аббревиатур, усечений и т.д. Пользователи употребляют сленговые выражения, чтобы продемонстрировать свою прогрессивность и осведомленность в области актуальных тенденций общения в сети Интернет.

По всей видимости, первоначально активное использование аббревиатур было связано с установленными ограничениями числа символов в сервисах обмена короткими текстовыми сообщениями и сервисах микроблоггинга и впоследствии стало, помимо прочего, способом оптимизации времени и усилий при осуществлении интернет-коммуникации. Так, например, некоторые выражения, используемые в повседневном обиходе пользователей, в настоящее время привычным образом заменяются на соответствующие, уже с легкостью узнаваемые аббревиатуры: ASAP (as soon as possible), IMO (in my opinion), FYI (for your information), ICYMI (In Case You Missed It), brb (be right back), TL;DR (too long; didn't read), ttyl (talk to you later), g2g (got to go).

Среди других причин закрепления тенденции к аббревиации, помимо стремления к неординарности и инновациям, а также экономии времени в процессе коммуникации, можно также отметить, что аббревиатуры в большинстве случаев пишутся заглавными буквами (хотя в настоящее время нередко встречаются случаи их написания строчными буквами), что делает их визуально более заметными по сравнению с другими словами. Более того, поскольку это все-таки сокращенная форма, любая аббревиатура требует, по крайней мере, минимальной концентрации внимания для осмысления ее значения, что позволяет привлечь внимание и вызвать интерес к сообщению в целом (табл. 1).

Таблица 1

Примеры употребления аббревиатур
(источник: публичные записи в различных интернет-сервисах)

YOLO (You Only Live Once)
Live your life guuuuurl YOLO
Run in the rain! YOLO .
i'm doing this yolo
ELI5 (Explain Like I'm 5)
ELI5 Why we can't build muscle while eating at a calorie deficit?
HIFW (How I Felt When; How I Feel When)
HIFW I score top marks in my programming course after years of feeling like I had no talents
HIFW I woke up this morning.....
IRL (in real life)
Bro. I dont think weve ever met IRL but I just found ur Vlogs & I think they might be my new favorite on YT! Keep it up man!!
FOMO (The Fear Of Missing Out)
... I have been diagnosed with Twitter FOMO

Использование сленговых аббревиатур и акронимов может также быть связано с необходимостью засекречивания сообщения, а также выполнять эвфемистическую функцию. К примеру, аббревиатуры NSFW (Not Safe For Work), NSFL (Not Safe For Life) – предназначены для того, чтобы отметить контент, который не следует просматривать в официальной обстановке (например, в офисе, в присутствии коллег или в общественном месте), служат своеобразным сигналом, что лучше это сделать в уединении или в кругу друзей; PAW (Parents Are Watching) – предупреждение подобного рода, оповещающее о присутствии родителей поблизости.

Под эвфемистической функцией подразумевается аббревиация с целью маскировки ругательных и нецензурных слов и выражений, ненормативной лексики, например WTF.

В отношении тенденции к усечению слов следует отметить, что это не новое явление, оно вполне привычно для разговорной речи английского языка. Однако в настоящее время эта тенденция стала чрезвычайно популярной в анализируемом нами сегменте интернет-коммуникации.

Поскольку для интернет-сервисов, предназначенных для общения, обмена мнениями и поиска общих интересов, характерна атмосфера неофициальности и непринужденности, то участники коммуникации склонны делать письменную речь похожей на разговорную. А усеченные слова как раз являются ярким атрибутом разговорной речи.

В качестве примеров можно привести следующие слова с условным отнесением к группам в соответствии с принципом усечения: 1) усечению подвергается конечная часть слова: diff (difference, different), vid (video), yum (yummy), kno (know), comin (coming), delish (delicious), guac (*guacamole*), avo (avocado), bro (brother), reg (regular (постоянный пользователь, как противопоставление новичку) 2) усечению подвергается конечная часть слова с добавлением окончания «s»: forevs (forever), whatevs (whatever), probs (probably), haps (happenings), totes (totally) [4] 3) усечению подвергается начальная часть слова: nym (pseudonym), za (pizza), shrooms (mushrooms), rents (parents) 4) усечению подвергается центральная часть слова: simus (simultaneous), proolly (probably) (табл. 2).

Таблица 2

Примеры употребления усеченных слов

(источник: публичные записи в различных интернет-сервисах)

No functional **diff**, but something else going on too.

I watched my Grandmother make this a zillion times. For me she'd make dark

cherry poppyseed....yum.
u already kno !
I did add chocolate chips (because chocolate chips) and I think it's delish
zane's rents bought him a car when he got his license...& later he SOLD it to his dad? moral of the story is his dad bought the car twice...
Who comin with me?
Hey mike whats the haps .. sigh .. I disagree with your position on gun rights and thats all I disagree with
Can I stay here forevs ?!

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что для языка интернет-коммуникации свойственно языковое новаторство, обилие нестандартных явлений на лексическом уровне, их развитие и закрепление, если они в достаточной степени обладают экспрессивными характеристиками.

Библиографический список

1. Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Волгоград, 2001. – 21 с.
2. Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 328 с.
3. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge University Press, 2004. – 272 p.
4. Curzan A. Slang: It's totes legit: Michigan Today. – 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://michigantoday.umich.edu/a8202/> (дата обращения: 10.11.2016).
5. Twitter [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/>

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 82

**Красовицкая Ю.В. Ф. Ницше и экспрессионистская идея
обновления**

F. Nietzsche And The Expressionist Renovation Idea

Красовицкая Юлия Владимировна

Российский государственный гуманитарный университет

Krasovitskaya Yuliya Vladimirovna

Russian State University for the Humanities

Аннотация. Статья посвящена вопросу влияния философии Ф. Ницше на экспрессионистскую идею обновления. Целью является выяснение степени независимости экспрессионизма от учения философа. О его несомненном влиянии говорили не только сами экспрессионисты-драматурги, но и многие более поздние исследователи. В статье наряду с известными рассматриваются менее популярные и непереведенные на русский язык драмы. На материале драм и сочинения Ф. Ницше «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого» методом сравнительного анализа проводится сопоставление образа «нового человека» с образом Сверхчеловека. Делаются выводы о том, что экспрессионистский «новый человек» отличается заметно большей гуманностью по отношению к окружающим еще не преображенным людям, он готов к самопожертвованию ради всеобщего возрождения. Следующим звеном проводимого анализа является сопоставление ницшеанских и экспрессионистских представлений об обновлении в целом. В отличие от утверждений Ф. Ницше, в разбираемых драмах экспрессионисты приходят к выводу о том, что отказ от прежних ценностей и старого порядка вещей не должен подразумевать разрыв духовной связи с Богом. Лишь поддерживая и укрепляя эту связь, человек может прийти к полному внутреннему обновлению.

Ключевые слова: идея обновления, сверхчеловек, преображение, духовность, Бог.

Abstract. This article is devoted to a question of influence of F. Nietzsche's philosophy on the expressionist renovation idea. The purpose of the article is to

analyse the degree of expressionist independence from the F. Nietzsche's doctrine. About the enormous influence of the philosopher spoke not only the expressionists themselves, but also many later researchers, whose works are mentioned in the article. We try to answer the formulated question using the material of several expressionist dramas, some of them are less popular and have not yet been translated into Russian, and F. Nietzsche's work "Thus Spoke Zarathustra: A Book for All and None". The chosen material lets compare the image of the "new man" with the image of the Overman and make a conclusion, that the "new man" is more human in relation to the people who have not yet transformed. The "new man" is ready to sacrifice himself in order to show other people the new way. Another aspect of the analysis is the comparison of Nietzsche's and the expressionist renovation ideas in general. Unlike statements F. Nietzsche's in the expressionist dramas they come to a conclusion that the rejection of former values and of the old regime should not mean the negation of God. Only keeping relations with God people can come to a complete renovation.

Keywords: renovation idea, Overman, transformation, spirituality, God.

Основной целью данной статьи является попытка на нескольких примерах из экспрессионистского драматического наследия показать пересечения философского учения Ф. Ницше (здесь рассматривается его труд «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого») с экспрессионистскими представлениями об обновлении. О влиянии философа на экспрессионистов уже неоднократно говорилось. В этом признавались сами драматурги и также писали многие литературоведы, чьи работы упоминаются в данной статье. Стоит отдельно подчеркнуть труды Н. В. Пестовой [2], Т. Анца [3], С. Вьеты [15], Г. Мартенса [9, 10], П. Пютца [11]. Актуальность и новизна нашего исследования заключается в попытке показать не столько «зависимость» экспрессионистской мысли от философии Ф. Ницше, сколько подчеркнуть ее особенность и своеобразие. Помимо этого, сопоставление проводится на материале как вполне известных, так и менее знакомых читателю и непереведенных на русский язык драм.

Для достижения поставленной цели необходимо рассмотреть общее отношение философа и экспрессионистов к обновлению и также основные для этого явления образы «нового человека» и Сверхчеловека. Основным методом исследования будет являться сравнительный анализ.

Богатый материал для подобного сравнения предоставляет пьеса В. Газенклевера «Царство» (Das Reich) 1908/09.

В четвертом акте происходит встреча двух героев Обскуруса и Антикууса. Антикуус рассказывает о своем поиске истинной скрытой сути

вещей и о том времени, когда он стал отшельником, потеряв веру в богов, в людей, в самого себя. Годы проходили в безрезультатном поиске, но наконец он вновь почувствовал свою силу, обрел веру в возможность самостоятельно устраивать свою жизнь. Эта вера заставила его прервать отшельничество и вновь вернуться к людям, чтобы убедить их взглянуть на мир иными глазами, поверить в свои силы и отказаться от бесполезной и расслабляющей «веры в богов» [6, с. 201]. Слова и образ Антикууса не могут не напомнить Заратустру Фридриха Ницше – пророка и одновременно Сверхчеловека. Однако существует и ряд отличий.

Ницшеанский путь к обновлению подразумевает осознанную изоляцию индивида, его освобождение от всех социальных связей [12, с. 105-107]. Соблюдение этого условия имеет важное значение, поскольку любой вид массовости таит угрозу нивелирования индивидуальности и подчинения общественным механизмам отдельно взятой личности. Заратустра демонстрирует свое освобождение в выражении подчеркнутого презрения к окружающим, называя их «ядовитыми мухами» [1, ч. 1 «О базарных мухах»] или стадом. Сверхчеловек, по его убеждению, может возникнуть только тогда, когда прежний слабый человек исчезнет. В стремлении к уединению Заратустра покидает город. Беседуя с людьми, открывая им постигнутые им самим истины, он обращается, в первую очередь, к избранным, к своим ученикам. Таким образом, идея Сверхчеловека исходит из осознания избранности и элитарности отдельно взятых индивидуумов. Они должны подняться не только над своей животной натурой, но и над всей массой других людей [5, с. 121, 136]. Недаром Г. Зиммель называет Ницше «пророком крайнего индивидуализма» [13, с. 16].

Сравнивая этот тезис с экспрессионистскими представлениями, необходимо отметить, что в драмах напротив, как правило, делается попытка объединить людей в поиске общих идеалов. Прерывая свое отшельничество, Антикуус возвращается к людям, пытается донести до всех окружающих постигнутые им истины.

В драмах Э. Толлера, выступающего резким противником массовости мышления и поведения, «новый человек» также изображается любящим и никогда не презирающим еще не обновленных людей. Напротив, каждый раз подчеркивается уникальность и бесценность каждого отдельно взятого человека. «Я люблю вас», – восклицает Фридрих в драме «Преображение» (*Die Wandlung*) 1919, обращаясь к толпе, собравшейся выслушать его речь [14, с. 50].

Заратустра выражает свою любовь несколько иначе. Он восклицает: «Любите, пожалуй, своего ближнего, как себя, – но прежде всего будьте такими, которые любят самих себя – – любят великой любовью, любят

великим презрением! [1, ч. 3 «Об умаляющей добродетели»] [...] где нельзя уже любить, там нужно – пройти мимо! – » [1, ч. 3 «О прохождении мимо»] Такая любовь эгоцентрична и лишена всякой жертвенности, столь характерной для экспрессионизма.

Экспрессионистский «новый человек» рассматривает борьбу за обновление мира как свою непосредственную задачу. Он верит в доброту и неискорченность людей и становится предводителем, указывающим путь к спасению. С подобной целью возвращается к людям и герой В. Газенклевера Антикуус. Стремление к изменению мира, основанное на обращении не только к избранным, но ко всем окружающим, на любви к ближним и готовности к самопожертвованию отличает экспрессионистские взгляды от ницшеанских.

Влияние философии Ф. Ницше прослеживается в драме В. Газенклевера не только в образе Антикууса, не менее важным представляется откровение Обскуруса. После долгого поиска герой определяет три основных закона, руководящих жизнью: выравнивание (*Ausgleichung*), превращение (*Verwandlung*) и возвращение (*Wiederkehr*) [6, с. 200, 228]. В свою очередь, они вновь заставляют обратиться к учению Ф. Ницше.

Когда Заратустра говорит о вечном возвращении, имеется в виду, что в процессе бесконечного жизненного повторения человек устремляется к самому себе и, в итоге, освобождается от всего внешнего, вновь обретает свое «я», покой и внутреннее равновесие [4, с. 87-88]. Происходит, так называемое, выравнивание. «Стань таким, каков ты есть!» [1, ч. 4 «Жертва медовая»] – призывает Заратустра, именно так человек может преодолеть путь, ведущий к превращению. Оно не подразумевает физических изменений, но требует полной свободы воли, поскольку только при этом условии возможно возрождение. «Надо, чтобы ты сжег себя в своем собственном пламени: как же мог бы ты обновиться, не сделавшись сперва пеплом!» [1, ч.1 «О пути созидающего»] Так в экспрессионистских драмах символическое самоуничтожение зачастую происходит через отказ героев от привычного образа жизни и мышления, через освобождение от всех сковывающих рамок и возвращение к своей первоначальной истинной природе (Э. Толлер «Преображение»).

В разговоре с Клеопатрой Обскурус пытается пробудить в ней воспоминания о прошедшей юности, о первой любви, о той девушке, еще неискорченной гордыней и тщеславием. Его попытка оказывается безуспешной, однако закон вечного возвращения и выравнивания находит выражение в разрушении одиозных планов царицы. Каждое действие имеет свое противодействие, раньше или позже зло (судьба дочери и любовника Клеопатры) наказывается. На этот раз достигается внешнее равновесие, чтобы

вскоре быть нарушенным вновь. История повторяется. Написанная еще до начала Первой мировой войны драма будто предсказывает крушение великоимперских планов, жертвой которых и здесь, как во времена царицы Клеопатры, становятся простые люди.

Рассмотренный пример показывает, что принципы выравнивания, как достижения внутреннего и внешнего равновесия, превращения и возвращения, имеющие принципиальную важность для экспрессионистской идеи обновления, обретают ряд сходств с учением Ф. Ницше. Также тоска по новой жизни сочетается в экспрессионизме с острым неприятием всех прежних законов и ценностей. Тем не менее своеобразие представлений экспрессионистов о новой жизни и пути обновления выделяется еще заметнее на фоне идей философа.

Драма П. Цеха «Башня» (*Der Turm*) 1924, являющаяся второй частью состоящего из четырех пьес цикла «Себастиан или четыре мировых круга побежденного» (*Sebastian oder die vier Weltkreise eines Geschlagenen*), демонстрирует это своеобразие вполне отчетливо.

В драме происходит столкновение двух непримиримых позиций героев. Элиас, отец протагониста Себастиана, убежден в непоколебимом всемогуществе Бога, определяющего судьбы мира и человечества. Герой утверждает, что каждый человек несет в себе небо, и эта «башня веры» [16, с. 70] поддерживает его, ибо без веры и Божьей помощи преобразование невозможно, оно не несет в себе никакой «живой перемены» [16, с. 65]. Себастиан, в свою очередь, полагается лишь на собственные человеческие силы. Герой мечтает преодолеть сковывающие предрассудки старого порядка и вопреки всем ограничениям добиться возрождения «живой жизни» [16, с. 36]. Он отвергает не только жесткую авторитарность духовной общины, членом которой является Элиас, но и всевозможные учения: Платона, Ницше, Штирнера, Маркса. Их труды кажутся герою мертвыми, рожденными лишь интеллектом. Чтобы произошли какие-то изменения, должно проснуться человеческое «я». «Анархия „я“», «прорыв», в котором «человечество поднимется до человека» [16, с. 63], представляются ему единственным выходом из положения. Себастиан стремится стать реформатором, недаром его портрет висит в комнате Элиаса рядом с портретами Лютера и Кальвина [16, с. 7].

Отец с его искренней верой представляется Себастиану «самым опасным из всех» [16, с. 54] членов общины, поскольку является ее духовным центром. «[...] между нами не может быть никакого примирения, только уничтожение!» [16, с. 68] – делает вывод молодой герой, тем не менее, неожиданная смерть Элиаса внушает ему глубокое чувство вины.

Смерть отца приводит к важным изменениям в сознании сына. Он понимает, что Элиас, который «спрашивал только свое сердце» [16, с. 138], был уже тем живым «новым человеком», свободным и сильным, о рождении которого так мечтал Себастиан, и которым он сам так и не сумел стать, увлекшись идеей, но не имея твердой опоры внутри себя. Элиас далеко опережает своего антагониста на духовном и чувственном уровне. Достаточно вспомнить, сколько теплоты таится в его обращении с сыном. Себастиан осознает это лишь впоследствии: «И когда он больше не мог жить для меня, он для меня умер...» [16, с. 138]. Своим поведением и словами Элиас незаметно подтачивает основы общины, олицетворяющей старый порядок, и на собственном примере показывает, где следует искать опору борцам за преобразование. В противоположность воспеваемой свободе чувств Себастиан, в отличие от отца, гораздо больше руководствуется в своих поступках голосом разума. Непримируемое отношение к христианству создает внутреннюю лакуну в его душе, которую ему так и не удастся заполнить. Герой разделяет убеждение Заратустры Ф. Ницше: «Я заклинаю вас, братья мои, оставайтесь верны земле и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах!» [1, ч. 1 «Предисловие Заратустры (3)»] Вследствие этого он оказывается слишком далек от самой возможности сочетания веры в Бога и веры в человека. Недаром уже в названии цикла «Себастиан или четыре мировых круга побежденного» обозначена обреченность героя на поражение. Оказывается, одним лишь разумом невозможно постигнуть путь к обновлению. В свою очередь, глубокая вера Элиаса никак не препятствует рождению нового человечества.

Еще более явно эта мысль проявляется в следующей части цикла «Братание» (Verbrüderung) 1921. В ней П. Цех изображает очередную социальную утопию. При этом в неменьшей степени внимание автора обращается к духовной сфере. Это ярко проявляется в поведении главного героя пьесы Себастиана. Периодически он как будто теряет связь с земным миром [8, с. 140], недаром его называют «ирреальным явлением» [17, с. 42]. Как «сверхчеловеческий образ» он стоит «с раскинутыми руками перед панелью управления» [17, с. 46], далее предстает в «застывшей божественной величественности» [17, с. 65], порой он начинает говорить «неземным грохочущим голосом» [17, с. 11], который раздается из «далей, затемненных черными облаками, бурей и громом» [17, с. 97], при этом его лицо, кажется, не несет на себе никакого отпечатка возраста [17, с. 7]. Он пытается добиться реализации мечты о создании мировой братской общины. Видения и действительность переплетаются в сложном единстве, отбрасывающем на все происходящее тень нереальности и фантастичности.

В отличие от драмы «Башня» герой уже во многом уповает на Божью помощь, ибо «ничто не свершается через человека... все от Бога!» [17, с. 46] В его обращениях к окружающим нередко появляются прямые реминисценции библейских сюжетов [17, с. 11, 39, 66, 67, 72, 102]. Произошедшие изменения кажутся плодом усилий Элиаса. Теперь и Себастиан разделяет его нескованную строгой догматикой живую веру. Герой не оставляет своей мечты о всеобщей счастливой земной жизни, но при этом сам вырастает духовно.

Это помогает ему добиться цели: он приводит людей в полуреальный город всеобщего братства, над которым в небе появляется радуга, как будто символизирующая единение божественной и человеческой воли [17, с. 108].

Рассмотренные пьесы П. Цеха показывают, что развившееся в экспрессионизме в созвучии со взглядами Ф. Ницше стремление возродить «живую жизнь» и преодолеть все сковывающие пережитки старого порядка приобретает целый ряд важных отличий. Одним из них становится обращение к духовной божественной сфере, без участия которой окончательное обновление невозможно. Достигший в своей душе единения возвышенной небесной и жизненной энергии «новый человек» предстает как предводитель и одновременно связующее звено между землей и небом.

Нарушение этого единства, как и в «Башне» П. Цеха, не приводит протагониста драмы «Сын» (*Der Sohn* 1914) В. Газенклевера к заветной цели.

Сын восторгается красотой земной жизни и «наивысшим» статусом человека в ней. [7, с. 238-239] Тем не менее в отцовском доме молодой человек чувствует себя как в темнице. Бронзовые ворота закрывают ему путь в сады, откуда доносятся «звуки музыки и танцев» [7, с. 241]. Страстное желание героя вырваться на свободу напоминает слова Заратустры: «Я бы поверил только в такого Бога, который умел бы танцевать. [...] Вставайте, помогите нам убить дух тяжести!» [1, ч. 1 «О чтении и письме»] Сверхчеловек Ницше подобен танцору, освобожденному от какой бы то ни было тяжести. Кипящая клокочущая жизнь манит его, он стремится впитать в себя все ее оттенки и насладиться их полнотой. (Недаром один из ведущих теоретиков экспрессионистского «Нового клуба» Э. Лёвенсон писал: «Всем, что относится к посюстороннему миру, к жизни [...] приключению, язычески-невинному смеху дышащей телесности [...] мы по большей части благодарны Ницше» [3, с. 50].) В противоречие с этим вступает как будто случайно появляющееся в драме сравнение жизни с чередой страданий и «путем на Голгофу» [7, с. 240], путем, на котором Бог дает человеку возможность познать и «любовь и боль» [7, с. 243]. В этом сравнении таится большая глубина по сравнению с восприятием жизни как сплошного наслаждения.

Сын в драме В. Газенклевера, в свою очередь, мечтает не просто о веселье, он хочет стать «пророком» «счастливой земли» [7, с. 265]. Герой чувствует свое предназначение открыть заветные «ворота мира» [7, с. 245]. Познание всего земного и чувственного позволит «взглянуть поверх границ» и познать «чудеса духа» [7, с. 263], по-настоящему «почувствовать себя человеком» [7, с. 244]. Готовясь к этому, Сын задает риторические вопросы: «Куда [...]»? В каком направлении мы будем шагать?» [7, с. 267] Он полон надежд, но не конкретных представлений о будущем. В своем поиске герой обращается и к Богу, чей лик представляется ему желтым лунным диском, заглядывающим в окно [7, с. 268]. Однако лик безмолвствует. Человек должен сам принять решение.

Помимо этого Сыну предстоит справиться с противостоянием своего отца. Борьбу со старым порядком «приветствует» сам Бог [7, с. 300]. Освобождение становится заветной мечтой, исполнение которой должно открыть молодому поколению дорогу к преображению и обновлению мира, однако действия Сына больше напоминают юношеский протест. Его агитационная речь и вся программа восстания скрыты от читателей занавесом, а встреча с отцом и попытка положить конец его власти с помощью оружия происходят больше не по воле героя, но по принуждению. После смерти отца Сын сообщает об обновлении своего сердца для «высшей свободы» и о готовности пробуждать «высшую силу» в людях [7, с. 322]. Однако подобное намерение выглядит весьма идеализированным и даже беспочвенным. В конечном итоге в драме обнажаются неготовность к борьбе и даже ее бессмысленность вследствие незавершенности духовного преобразования самих борцов.

Таким образом проведение детального сопоставления фрагментов учения Ф. Ницше и драматического творчества экспрессионистов позволяет не только утверждать важность влияния идей философа, но и выявить целый ряд отличительных черт.

Одной из важных особенностей экспрессионистского «нового человека» в отличие от Сверхчеловека Ф. Ницше становится его сострадание и любовь к окружающим людям, его жертвенность и готовность пойти на любые испытания ради всеобщего счастья. Помимо этого на фоне общего стремления к обновлению и освобождению от прежних оков старого порядка принципиально важной для многих экспрессионистов остается духовная связь между Богом и людьми. Ибо лишь посредством этой связи может осуществиться полное духовное обновление и преобразование человека.

Библиографический список

1. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / пер. Ю. Антоновского // Сайт Ф. Ницше. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nietzsche.ru/sitemap/> (дата обращения: 24.09.2016)
2. Пестова Н. В. Экспрессионизм // Авангард в культуре XX века (1900-1930): Теория. История. Поэтика: в 2 кн. / под ред. Ю. Н. Гирина. – Кн. 1. – Москва: ИМЛИ РАН, 2010. – С. 293-359.
3. Anz T. Literatur des Expressionismus. – Stuttgart, Weimar: Metzler, 2002. – 258 S.
4. Böckmann P. Die Bedeutung Nietzsches für die Situation der modernen Literatur // Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte 27 (1). – 1953. – S. 77-101.
5. Haberkamp G. Triebgeschehen und Wille zur Macht: Nietzsche – zwischen Philosophie und Psychologie. – Würzburg: Königshausen & Neumann, 2000. – 214 S.
6. Hasenclever W. Das Reich // Sämtliche Werke: in 5 Bde. / hrsg. v. D. Breuer, B. Witte. – Bd. 2. 1. Stücke bis 1924 / bearb. v. A. Zurhelle, C. Brauer. – Mainz: Hase & Koehler, 1992. – S. 101-233.
7. Hasenclever W. Der Sohn // Sämtliche Werke... – Bd. 2. – S. 233-323.
8. Hübner A. Das Weltbild im Drama Paul Zechs: Diss... – Bern [u.a.]: Lang, 1975. – 248 S.
9. Martens G. Nietzsches Wirkung im Expressionismus // Nietzsche und die deutsche Literatur...: in 2 Bde. / hrsg. v. B. Hillebrandt. – Bd. 2. Forschungsergebnisse. – München: Reclam, 1978. – S. 35-82.
10. Martens G. Vitalismus und Expressionismus: ein Beitrag zur Genese und Deutung expressionistischer Stilstrukturen und Motive. – Stuttgart [u.a.]: Kohlhammer, 1971. – 307 S.
11. Pütz P. Friedrich Nietzsche. – Stuttgart: Metzler, 1967. – 104 S.
12. Schümann D. Die Suche nach dem „Neuen Menschen“ in der deutschen und russischen Literatur der Jahrhundertwende: Frank Wedekinds Mine-Haha und Michail Petrovič Arcybaševs Sanin. – München: Sagner, 2001. – 153 S.
13. Simmel G. Die Großstadt und das Geistesleben / G. Simmel // Lyrik des Expressionismus / hrsg. v. S. Vietta. – 4., verb. Aufl. – Tübingen: Niemeyer, 1999. – S. 10-16.
14. Toller E. Die Wandlung // Gesammelte Werke: in 6 Bde. – Bd 2. Dramen und Gedichte aus dem Gefängnis (1918-1924) / hrsg v. J. M. Spalek, W. Frühwald. – 3. Aufl. – München [u.a.]: Hanser, 1995. – S. 7-61.
15. Vietta S. Zweideutigkeit der Moderne: Nietzsches Kulturkritik, Expressionismus und literarische Moderne // Die Modernität des Expressionismus / hrsg. v. T. Anz und

M. Stark. – Stuttgart [u.a.]: Metzler, 1994. – S. 9-20.

16. Zech P. Der Turm. Sieben Stufen zu einem Drama // Sebastian oder die vier Weltkreise eines Geschlagenen. Das Rad. Der Turm. Verbrüderung. Steine. - Leipzig, 1924. – 139 S.

17. Zech P. Verbrüderung. Ein Hochgesang unter dem Regenbogen in fünf Stationen // Die Jacobsleiter. Ein heroisches Quartett (Das Rad / Steine / Verbrüderung / Selige Insel). – Hamburg [u.a.]: Hoffmann & Campe, 1921. – 109 S.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.133.1

Салихова О.К. Новостной текст франкоязычной прессы: особенности содержания

News text in the French media: content features

Салихова Оксана Константиновна

ст.преподаватель кафедры романо-германских языков

и межкультурной коммуникации,

Тихоокеанский государственный университет,

РФ, г. Хабаровск

osalika06@rambler.ru

Salikhova Oksana Konstantinovna

Senior Lecturer of the of Romance and

Germanic languages and intercultural

communication department,

Pacific Nationale University,

Khabarovsk, Russia,

Аннотация. Данная статья отражает результаты исследования, проведенного в рамках изучения новостного текста. Исследование основывается на методе комплексного лингвистического анализа, предложенного Т.Г. Добросклонской. Целью данной статьи является выявление

и анализ содержательных особенностей новостного текста в печатной французской прессе.

Ключевые слова: новостной текст, новостная ценность, факторы, определяющий новостную ценность

Abstract. This article reflects the results of a study of news media texts. The study is based on the method of complex linguistic analysis proposed by T.G. Dobrosklonskaya. The purpose of this article is to identify and analyze the characteristics of news texts content in the printed French media.

Keywords: news text, news value, factors of news value

Интерес к исследованию новостного текста объясняется постоянным увеличением его количества в различных средствах массовой информации. Несмотря на то, что новостные тексты реализуют одну из главных функций массовой коммуникации – информативную, они не так часто попадают в фокус лингвистического изучения, по сравнению с другими типами текстов СМИ.

Т.Г. Добросклонская рассматривает новостной текст как «объемное многоуровневое явление, в основе концепции которого лежит органичное сочетание единиц вербального и медийного ряда» и определяющей необходимость изучения его формальных, содержательных, языковых и стилистических особенностей [1]. Особенности форматирования новостного текста французской прессы были описаны нами в статье «*Коммуникационный формат новостного текста франкоязычной прессы*» [4].

Материалом исследования послужили 90 новостных статей издательств общенационального уровня «Le Figaro», «Le Monde» и «Liberation» за 2013-2015 годы. Сбор материала проводился по Интернет-версии этих газет. Проанализированные статьи не объединены определенной тематикой.

При описании содержательной стороны новостных текстов ученые и журналисты [1;4] оперируют понятием новостная ценность «news value», которая определяется следующими факторами:

1) Новизна, актуальность. Новости должны быть свежими, так как то, что случилось вчера, сегодня уже не новость.

2) Пространственная и психологическая близость к получателю информации. Как правило, новостная ценность события, произошедшего в своей стране, регионе, городе выше новостной ценности события, имевшего место за рубежом.

3) Значимость, масштаб. Сюжеты о влиятельных, знаменитых людях привлекают большее внимание аудитории. Масштаб события также важен. Чем

большее количество людей оказалось затронуто в результате случившегося, тем выше новостная ценность события.

4) Возможные последствия для массовой аудитории. Это события, которые оказывают непосредственное влияние на жизнедеятельность людей.

5) Эмоциональный фактор, создаваемый сюжетами, которые призваны воздействовать на чувства и эмоции читателя.

6) Конфликтность. В журналистике широко распространено мнение, что «плохие» новости гораздо привлекательнее «хороших». Поэтому, лучшие новости для прессы – плохие новости.

Среди изученного корпуса новостных текстов было выявлено, что все 90 (100%) статей соответствовали фактору «актуальность», рассказывая о свежих событиях. 79 (88%) статей коррелировали с фактором «конфликтность». Так, в статье, приведенной ниже, речь идет о террористическом акте в автобусе в Сомали, где было убито 28 пассажиров. *Vingt-huit passagers d'un bus ont été assassinés samedi 22 novembre par des hommes armés, dans le nord-est du Kenya, près de la frontière avec la Somalie, a annoncé le chef de la police du département de Mandera, Noah Mwavinda.*

Les insurgés islamistes somaliens chabab, affiliés à Al-Qaida, ont revendiqué l'attaque qui a été « fermement condamnée » par Londres et Washington. Les chabab avaient mené une attaque similaire en juillet dernier.

Noah Mwavinda a précisé que les assaillants avaient arrêté le bus avant de le conduire à l'écart de la route. Ils ont ensuite contraint les passagers à descendre et ont séparé ceux identifiés comme non musulmans des musulmans.

Ils sont remontés dans le bus avec les non musulmans et ont tenté de quitter la zone, mais le bus s'est embourbé. « Ils ont donc exécuté leurs prisonniers », a-t-il indiqué, ajoutant que les assaillants s'étaient échappés en passant en Somalie ».

Основываясь на мнении, бытующем в журналистике, что «плохие» новости гораздо привлекательнее «хороших» и учитывая определённые особенности человеческой психики, можно сделать вывод, что сообщения, содержащие негативную информацию (как в данном примере), вызывают гораздо больший интерес, чем обычные новости.

61 (68%) исследованная статья отражала фактор «значимость». Примером может служить статья, которая сообщает, что принц Уильям и его жена Кейт ждут появления второго ребенка «*Le Prince William et son épouse Kate annoncent attendre un deuxième enfant. Ils sont déjà les parents d'un petit George, né fin juillet 2013. George sera l'héritier de la Couronne, après son grand-père Charles et son père William.*

La duchesse de Cambridge, son titre officiel, souffre à nouveau de vomissements fréquents et douloureux, comme lors de sa première grossesse. Une

maladie appelée hy-per-émèse gravi-dique. Elle ne devrait donc pas se rendre aujourd'hui à Oxford, comme le prévoyait son emploi du temps.

Kate doit se rendre à Malte le 20 septembre pour son premier voyage officiel seule à l'étranger, à l'occasion des 50 ans d'indépendance de l'île méditerranéenne.

Mariés en avril 2011, William et Kate, se sont d'abord rendus au Canada et en Californie. En 2012, ils ont effectué une tournée pour représenter la reine à l'occasion de son jubilé de diamant à Singapour, en Malaisie, dans les îles Salomon et Tuvalu. Cette année, ils se sont rendus en Nouvelle-Zélande et en Australie.

Сюжеты о богатых, влиятельных, знаменитых людях привлекают большее внимание аудитории. Поэтому, учитывая, что участники этого события имеют значимое социальное положение, данная новость получила освещение в новостях французской прессы.

Фактор «масштабность» обнаруживает себя в 56 (62%) статьях. Например, в нижеследующей статье речь идет о том, что число жертв вируса Эбола продолжает значительно увеличиваться, а именно, о том, что за четыре дня их количество увеличилось на 1200 человек. *“Près de 7000 personnes sont mortes du virus Ebola en Afrique de l'Ouest, selon le dernier bilan samedi de l'Organisation mondiale de la Santé qui a compté plus de 1200 morts supplémentaires depuis son précédent bilan datant de mercredi.*

Selon les chiffres publiés par l'OMS dans la nuit de vendredi à samedi, 16.169 personnes ont été contaminées par le virus Ebola et 6928 d'entre elles sont mortes dans les trois pays d'Afrique de l'Ouest les plus touchés.

Le précédent bilan publié mercredi pour ces trois pays, établi par l'OMS, faisait état de 5674 morts, mais le nouveau bilan pourrait inclure des cas mortels non signalés”. Чем больше людей было затронуто случившимся, тем выше новостная ценность события. Поэтому, данная новость привлекла внимание редактора.

32 (36%) статьи соответствуют фактору «эмоциональность», что видно, например, в следующей статье *« Une Canadienne de 37 ans a réussi à se retrouver sur le tarmac de l'aéroport Halifax Stanfield, en Nouvelle-Ecosse (Canada) après avoir passé les différentes barrières de sécurité de l'aéroport pour arrêter l'avion de son mari qu'elle pensait en partance pour rejoindre une autre femme, rapporte le Daily Mail.*

L'épouse jalouse, qui avait d'abord demandé directement au comptoir de la compagnie d'annuler le départ de l'avion, présentait plusieurs coupures à différents endroits du corps, dues au franchissement de plusieurs barrières pour atteindre les pistes.

Elle aura finalement escaladé trois mètres de fils barbelés et surmonté la clôture entourant les pistes pour rien, puisque son mari n'était pas à bord de ce vol,

ni d'aucun autre, selon le Daily Mail. В данном примере речь идет о женщине, сумевшей пройти охрану аэропорта, чтобы остановить самолет, где, как она полагала, находился ее муж с соперницей. Необычный поступок этой женщины, несомненно, будучи прочитанным, имел шансы воздействовать на эмоции аудитории.

Пространственная и психологическая близость отражены в 12 (13%) из исследованных статей. Как правило, новостная ценность события, произошедшего в своей стране, регионе, городе выше новостной ценности события, имевшего место за рубежом. Приведем пример: *Un homme a été tué par balles vendredi soir dans un quartier sensible de Toulouse, ce qui constitue le deuxième règlement de comptes mortel en 48 heures et fait craindre au procureur de la République une "radicalisation" à la marseillaise.*

"Si on prend la série d'événements que nous venons d'évoquer, nous n'avons rien à envier à Marseille. Je pense que la situation est en effet très grave": a déclaré le procureur de la République à Toulouse, Michel Valet, lors d'un point-presse organisé samedi après la mort d'un homme, tué froidement vendredi soir dans ce qui s'apparente à un règlement de comptes.

Il s'agit de la quatrième mort brutale depuis décembre à Toulouse dans d'apparentes exécutions faisant penser à une guerre entre bandes rivales, dont l'assassinat, jeudi à la kalachnikov, d'un homme au casier judiciaire lourd.

"En moins de neuf mois, nous avons eu quatre assassinats et deux tentatives avec des modes opératoires relativement similaires. La question des liens entre ces différents faits se pose", a ajouté Michel Valet, se disant "très préoccupé". "La radicalisation est en cours", a-t-il dit. В данном примере речь идет о четвертом убийстве за месяц в одном районе города Тулуза. Это событие было важным и имело большую новостную ценность для жителей этого города, и особенности, жителям данного района, о котором говорится в статье.

10 (11%) статей отражали фактор « возможные последствия для аудитории».

Например: *Les tarifs réglementés de gaz naturel vont légèrement augmenter début avril selon des informations rapportées par Les Échos. Cette hausse «devrait toutefois rester sensiblement inférieure à 1 %», précise le quotidien économique.*

Le tarif réglementé concerne 7 abonnés sur 10 en France. Il évolue tous les mois à partir d'une formule de calcul publique. Ce tarif avait baissé de 3,46% en moyenne au 1er mars. Les prix du gaz avaient déjà diminué en moyenne de 1,27% en février.

Depuis janvier 2014, les prix ont baissé de plus de 7% selon les chiffres publiés par la Commission de régulation de l'énergie. В этом примере речь идет о

повышении цен на газ. Данное сообщение представляет большой интерес для аудитории, так как это непосредственно связано с их повседневной жизнью.

Таким образом, в выбранных для анализа источниках новостных текстов преобладают тексты, отражающие следующие факторы «новостной ценности»: «актуальность», «конфликтность», «значимость» и «масштабность». Сравнительно небольшое количество статей, соответствующих факторам «эмоциональность», «пространственная/психологическая близость» и «возможные последствия для аудитории», связано с характером изученных изданий, имеющих общенациональное значение и призванных привлекать внимание большой аудитории. В этой связи, интерес к изучению представляют собой новостные тексты региональных изданий, в которых соотношение факторов «новостной ценности» будет, вероятно, различаться от вышеприведенных данных.

Библиографический список

1. Добросконская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. – М.: Наука, 2008. – 264 с.
2. Тертычный А.А. Аналитическая журналистика: познавательно-психологический подход. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 352 с.
3. Салихова О.К., Васильева У.А. Коммуникационный формат новостного текста Франкоязычной прессы. // Вопросы филологии и теории перевода: социокультурный аспект: сб.науч.ст./ Чуваш. гос. пед. ун-т; под ред. Н.В. Кормиловой, Н.Ю. Шугаевой – Чебоксары: Чуваш.гос. пед. ун-т, 2015. – С. 218–222.
4. Bège, Jean-François Manuel de la redaction. Les techniques journalistiques de base. – Paris: CFPJ Editions, 2007. – 124 p.

Список использованных источников

1. Le Figaro [Электронный ресурс] – www.lefigaro.fr
2. Le Monde [Электронный ресурс] – www.lemonde.fr
3. Liberation [Электронный ресурс] – www.liberation.fr

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811.161.1

Долженкова А.И. Смысл «колебание» как компонент процесса коммуникации

The meaning of "oscillation" as a component of the communication process

Долженкова Алена Игоревна

Белгородский государственный технологический
университет им. В.Г. Шухова, г. Белгород

alenoc_888@mail.ru

Dolzhenkova Alena Igorevna

Belgorod State Technological
University named after V. G. Shukhov, Belgorod

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению смысла «колебание» как важной составляющей ситуации общения. Анализируется прагматический смысл «колебание», а также сопутствующие ему речевые смыслы в высказываниях со значением колебания. Основными методами анализа являются функциональный и описательный, применяемые для решения поставленных задач.

Ключевые слова: смысл, колебание, субъект, коммуникация, ситуация общения, сомнение, нерешительность, неуверенность.

Abstract. The article is devoted to consideration of the meaning of "oscillation" as an important component of the communicative situation. Examines the pragmatic sense of "oscillation" and its accompanying speech the meaning in the statements with value fluctuations. The main methods of analysis are functional and descriptive, is used for solving the tasks.

Keywords: the sense of fluctuation, subject, communication, situation communication, doubt, indecision, uncertainty.

Речь (устная, письменная) – универсальное средство коммуникации. Общение возникает по инициативе одного из участников, когда условия речевой ситуации побуждают его обратиться к собеседнику для решения

определенной проблемы [1, с. 647-649; 2, с. 566-5673; с. 20-21]. Общение, как и любой вид деятельности, имеет свои мотивы, цели и результат.

В жизни каждого индивида случаются ситуации, являющиеся для него спорными, неоднозначными. Именно тогда субъект начинает колебаться в однозначности принятия какого-либо решения, осмысления факта или явления действительности, в способе, цели и мотиве осуществления какого-либо действия: – **Не знаю**, то ли уж мне послышалось (В.Шишков); **Хотя** нет, погоди, эстонец **вроде бы** есть... (С.Довлатов). Операция колебания для человека является универсальной, так как ее применение возможно по отношению практически к любым явлениям действительности. Колебаться можно относительно чего угодно. Колебание помогает субъекту постичь действительность, высказать свое отношение к данной действительности, оценить результат события с последующим перспективным его применением.

Колебание – это частое изменение, неустойчивость чего-либо, отклонение в одну из сторон. В словарях колебание определяется как состояние нерешительности, неуверенности, сомнения (Юрьева **колебалась** и молчала, хотя ей хотелось сказать много, очень много знаменитому артисту. (Куприн, Полубог). Анна Петровна проснулась задолго до Краснодара и все **колебалась**, разбудить Лелю **или** нет. (Паустовский, Героический юго-восток)) [5, с. 71]. Колебание обязательно связывается с определенным состоянием субъекта, который находится в нерешительности, сомневается в чем-то, не доверяет чему-то, меняет или не может точно сформулировать свое мнение относительно чего-то (Все хочу послать письмо Т. М. «Львовой» Толстой — и все **не решаюсь** (И.Бунин); – А вдруг, – изображая **колебание**, сказал я, – на службе узнают, что я предал боевого товарища? (В.Пелевин)).

Колебание – это один из результатов сомнения, нерешительность в выборе, возможное изменение своего решения, обусловленное наличием каких-то внешних или внутренних мотивов, причин:); – Так вы верно согласны? – всё ещё **колеблясь** в решении, спросил Курцер (Ю.Домбровский); - Так-то оно так, да все как-то, знаешь, оно... – продолжал **колебаться** Алексей. – Что еще? (П.Мельников-Печерский); - **Может быть**, попробуем, – несмело сказал Сеня, – поискать в другой области? (М.Сергеев). Колебания человека тем сильнее, чем важнее для него предмет сомнений.

Таким образом в высказывании, относящемся к ситуации колебания, помимо центрального смысла «колебание», актуализируются какие-либо из сопутствующих смыслов – «предположение», «неуверенность», «сомнение», «возможность», «вероятность», «кажимость». Например: – **Может быть**, навёл кто-нибудь? – Ты что, – сказал Гриша (В.Пелевин) – неуверенность; Зелёный газик стоял на солнце и, **наверное**, уже накалился (И.Грекова) –

предположение; – Да вёрст, **наверное**, тридцать пять будет, – ответил Зыбин (Ю.Домбровский) – кажимость; - Теперь я **сомневаюсь**, пойдем **ли** мы их... (Д.Биленкин) - сомнение. При этом смысл «колебание» является центральным для коммуникативной ситуации «колебания» и развивается в высказывании как результат осмысления события субъектом. Данный смысл несет в высказывании одну из основных коммуникативных нагрузок – ориентирует высказывание на адресата, до которого говорящий нацелен донести собственную точку зрения [4, с. 108] (Матвей Строгов **колебался: не зная**, законны ли будут такие действия теперь (Г.Марков); Она посмотрела на него исподлобья, **раздумывая – говорить, не говорить?** (С.Осипов); - Вот как? **Нда... не думаю...не знаю** (М.Горький)). Смысл «колебание» наряду с сопутствующими смыслами (возможность, вероятность, предположение, намерение и т.п.) образует семантическое пространство высказывания, фиксирующего точку зрения говорящего на событие, и являющегося средством коммуникации и прагматического осмысления говорящим окружающей действительности: **Я не знаю... Я сомневаюсь...** Не находимся ли мы у роковой черты? (С.Алексиевич); **«Разве ты этого ожидаешь от меня? Разве я должен немедленно приехать?» – сомневался и колебался** Олег (Д.Донцова).

Смысл «колебание» развивается в результате мыслительных операций, производимых субъектом. Такие операции являются базой для возникновения других смыслов. Это операции, помогающие субъекту постичь действительность, высказать свое отношение к данной действительности, оценить результат события с последующим перспективным его применением: **Не зная, на что решиться (колеблясь)**, я остался стоять напротив их дома (В.Маканин); **Скорее всего, детский, хотя, вполне возможно**, и женский... (М.Сергеев). Операции характерны для субъекта, поскольку их применение возможно относительно любых явлений действительности.

Смысл «колебание», наряду с мотивационными параметрами, факторами говорящего и адресата, включается в сферу процесса коммуникации. Данный смысл является динамичным и сложным образованием, предназначенным для решения поставленных перед говорящим задач. Данный смысл в пределах речевого контекста взаимодействует с целым комплексом субъективно-модальных смыслов, но в то же время, проявляет себя как специфический, оригинальный смысл сферы квалификации события.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 895 с.

2. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
3. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под ред. Г.А.Золотовой. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 528 с.
4. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык. – Т.2 К-О. – 1986. – 736 с.
5. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Под ред. А.В.Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – 363 с.

УДК 44

Мингазетдинова Р.Ф. Содержательные связи в семантической структуре предикатов-полисемантов со значением «устная речь» в русском языке

Meaning relations in the semantic structure of predicate polysemantic units denoting “oral speech” in the Russian language

Мингазетдинова Римма Флюровна
Башкирский государственный университет, г. Уфа
rflyurovna@mail.ru

Mingazetdinova Rimma Flyurovna
Bashkir State University, Ufa

Аннотация. В статье проводится анализ содержательных связей в семантической структуре полисемантических предикатов со значением «устная речь» в русском языке. Определяется степень полисемантичности семем путём соотношения числа инвариантных и производных смыслов, а также семантической аттракции семем, устанавливаемой путем выявления семантических связей внутри значений предикативных наименований в русском языке.

Ключевые слова: сема, семантическое поле, семантическая связь, устная речь, семантема, полисемантичность.

Abstract. The article deals with the analysis of meaning relations in the semantic structure of predicate polysemantic units, denoting «oral speech» in the Russian language. The degree of polysemanticism has been determined through the correlation between the number of invariant and indirect meanings, as well as degree of semantic attraction of the semes, which is determined through revealing semantic relations within the meanings of substantives denoting «oral speech» in the French language

Key words: seme, semantic field, semantic relation, oral speech, semateme, polysemanticism.

Сема “устная речь” является ядерной, определяющей при выборке предикатов речи из корпуса толкового словаря современного русского языка. Яркий статус данной семы в семантической структуре языковых единиц подтверждается такими словами в определениях прямых и переносных значений как *сказать, говорить, произносить (слова)*. Общее количество предикатов речи, выделенных из корпусов толковых словарей, составляет 223 единицы.

Всё множество предикатов речи можно рассматривать как семантическое поле «устная речь» [2, с.176]. Почти половина всех конstituентов (111 единиц) представляют собой единицы полисемантического характера. Значения многозначного слова объединены содержательными связями. Эти связи того же порядка, что и связи понятий. Понятия не существуют порознь, а, напротив, связаны множественными связями, организующими их в структуре сознания [4, с.67].

Выделяются два основных типа содержательных связей между словозначениями: *импликационные* и *классификационные* [4, с.68].

Импликационные связи представляют собой когнитивный аналог реальных связей (взаимодействий, зависимостей) сущностей объективного мира: связей между вещами, между частью и целым, между вещью и признаком, между признаками вещи [1]. Импликация может быть отражением самых разнообразных видов реальных связей: симультанных и суксесивных, статических и динамических, детерминированных и вероятностных, слабых и сильных [3, с.53].

Классификационные связи являются мыслительным аналогом распределения признаков у сущностей объективного мира. Объективной основой классификационных связей понятий и значений являются общности сущностей объективного мира по обнаруживаемым ими признакам. Они могут быть *инклюзивными* и *симилятивными*.

Инклюзивные связи в структуре глаголов речи - полисемантов соответствуют связи между широким и узким значениями слова.

Симилятивная классификационная связь имеет место в том случае, когда общая часть не исчерпывает содержания ни одного из концептов: помимо общих семантических признаков, концепты содержат ещё различающие их признаки, каждый свои. По своей частотности симилятивная связь наиболее репрезентативна.

Анализ содержательных связей процессуальных наименований в русском языке, характеризующихся полисемантической структурой, позволяет выделить все перечисленные выше типы и виды содержательных связей.

Импликационные связи, соответствующие общим видам импликации, охватывают 38 предикатов: *акать, болтать, бредить, вещать, вскричать, выболтаться, выговорить, выражаться, говорить, голосить, греметь, заговариваться, заговорить, заикаться, звать, кликушествовать, кричать, лопотать, молиться, наговорить, обмолвиться, огласить, ораторствовать, орать, отговорить, отчеканить, переговариваться, переговорить, петь, покрикивать, присвистывать, проболтать, провозгласить, простонать, толковать, трепать, угрожать, шутить*. Данные предикаты охватывают 52 конкретных вида (корреляций).

"Произносить в неударяемых слогах вместо звука "о" звук "а" : "говорить с остановками, с трудом подбирая слова и вставляя между ними протяжный звук "а" (*акать*); "непринуждённо, много говорить" : "проводить время в болтовне, много и попусту обещать" (*болтать1*), "вести лёгкий, непринуждённый разговор, много говорить" : "бегло говорить на иностранном языке" (*болтать2*), "вести лёгкий, непринуждённый разговор, много говорить" : "высказывать нелепые суждения, распространять слухи" (*болтать3*); "говорить бессвязно, бессмысленно, находясь без сознания, во сне и т.п. " : "быть самозабвенно увлечённым, постоянно говорить, думать об одном и том же" (*бредить*); "говорить что-либо значительное" : "предсказывать, пророчить" (*вещать1*), "говорить что-либо значительное" : "передавать для слушания" (*вещать2*); "громко, возбуждённо сказать что-либо, воскликнуть" : "позвать, крикнуть кого-либо" (*вскричать*); "болтая, рассказать (секрет)" : "отвести душу в рассказах, болтовне" (*выболтаться*); "произнести вслух" : "поставить условием, оговорить что-либо в свою пользу (при договоре, сделке и т.п.)" (*выговорить*); "проявиться в каких-либо внешних признаках, обнаружиться" : "произносить бранные, неприличные слова" (*выражаться*); "выражать словесно мысли, мнения, сообщать (устно или письменно)" : "свидетельствовать о чём-либо, указывать на что-либо, быть доводом в пользу чего-либо" (*говорить1*), "выражать словесно мысли, мнения, сообщать (устно

или письменно)" : "проявляться в чьих-либо поступках" (*говорить2*); "громко петь или кричать" : "громко, нараспев причитать, плакать" (*голосить*); "издавать громкие, резкие, раскатистые звуки, грохотать" : "говорить громким, возбуждённым голосом, с жаром и гневом" (*греметь*); "увлечься разговором" : "говорить бессвязно, невпопад" (*заговариваться*); "начать говорить" : "овладеть речью или каким-либо языком" (*заговорить*); "страдать заиканием" : "говорить, запинаясь, с трудом подбирая слова" (*заикаться*); "голосом, жестом побуждать приблизиться, подойти или откликнуться" : "именовать, называть по имени, кличке" (*звать*); "быть подверженным припадкам кликушества" : "крикливо выражать что-либо" (*кликушествовать*); ""издавать крик" : "громко говорить, громко сообщать что-либо", "издавать крик" : "громко, резко говорить, браня, выговаривая и т.п." (*кричать1*), "громко говорить, сообщать что-либо" : "звать громким голосом" (*кричать2*); "говорить несвязно, неясно произнося слова" : "говорить на незнакомом, непонятном для других языке" (*лопотать*); "обращаться с молитвой к Богу, святым, произносить слова молитвы" : "обожать, боготворить кого-либо, преклоняться перед кем-либо, чем-либо" (*молиться*); "сказать много чего" : "наклеветать, возвести напраслину" (*наговорить1*), "сказать много чего" : "произнести что-либо для звукозаписи" (*наговорить2*), "сказать много чего" : "нашёптывая заклинания, призвать на что-либо волшебную силу" (*наговорить3*); "оговориться, проговориться" : "вскользь, мельком сказать что-либо" (*обмолвиться*); "прочесть вслух для всеобщего сведения" : "разгласить, сделать известным" (*огласить1*), "прочесть вслух для всеобщего сведения" : "наполнить громкими звуками (воздух, пространство)" (*огласить2*); "произносить публично речь" : "пространно, с претензией на красноречие говорить о чём-либо" (*ораторствовать*); "издавать громкие звуки" : "говорить слишком громко" (*орать1*), "издавать громкие звуки" : "громко, переходя на крик, бранить кого-либо" (*орать2*); "кончить говорить" : "проговорить некоторое время" (*отговорить*); "произнести чётко и раздельно" : "чётко сформулировать, сделать ясным, выразительным" (*отчеканить*); "обмениваться словами, короткими фразами" : "сообщать друг другу информацию при помощи каких-либо условных знаков, сигналов" (*переговариваться1*), "обмениваться словами, короткими фразами" : "вести переговоры, договариваться о чём-либо" (*переговариваться2*); "поговорить обо всём, о многом" : "громко или слишком много говорить" (*переговорить1*), "поговорить обо всём, о многом" : "обменяться мнениями о ком-либо, чём-либо, коротко поговорить" (*переговорить2*); "издавать голосом музыкальные звуки, исполнять голосом музыкальное произведение" : "говорить, произносить слова протяжно, нараспев" (*петь*); "время от времени кричать" : "время от времени резко приказывать, начальственно бранить" (*покрикивать*); "негромко,

слегка свистеть" : "говорить или дышать с присвистом", "сопровождать свистом пение или какое-либо действие" : "говорить или дышать с присвистом" (*присвистывать*); "провести какое-либо время в болтовне" : "сообщить то, что следовало хранить в тайне, выболтать" (*проболтать*); "торжественно произнести" : "объявить кого-либо чем-либо", "торжественно объявить, официально заявить о чём-либо" : торжественно произнести" (*провозгласить*); "издать стон" : "проговорить со стоном" (*простонать*); "определять смысл, значение чего-либо, понимать и объяснять что-либо каким-либо образом" : "говорить, рассуждать, беседовать о ком-либо, чём-либо" (*толковать*); "часто упоминать, повторять (без особой нужды, несерьёзно или неблагоприятно)" : "говорить зря, без толку, несерьёзно" (*трепать*); "произносить угрозы, требуя, добиваясь чего-либо" : "быть опасным для чего-либо, создавать угрозу" (*угрожать*), "говорить, делать что-либо не всерьёз, ради шутки" : "насмехаться; подшучивать, смеяться над кем-либо, чем-либо" (*шутить*)

Классификационные инклюзивные связи обнаруживаются в семантических структурах 5 предикатов речи: *говорить*, *нашептывать*, *произнести*, *сказать*, *скандировать*. Данные предикаты охватывают 11 корреляций:

"пользоваться, владеть устной речью" : "выражать словесно мысли, мнения, сообщать (устно или письменно)" (*говорить1*), "пользоваться, владеть устной речью" : "вести беседу, разговаривать" (*говорить2*), "пользоваться, владеть устной речью" : "высказывать кому-либо свои чувства, мысли и т.п." (*говорить3*), "наговорить чего-либо шёпотом" : "произнести наговор, наколдовать" (*нашептывать*); "передать голосом звуки, слова языка, выговорить" : "сказать какие-либо слова, фразы, проговорить" (*произнести1*), "сказать какие-либо слова, фразы, проговорить" : "сказать, высказать публично во всеуслышание" (*произнести2*); "выразить словесно мнения, мысли, сообщить (устно или письменно), произнести" : "сообщить" (*сказать1*), "выразить словесно мнения, мысли, сообщить (устно или письменно), произнести" : "рассказать" (*сказать2*), "выразить словесно мнения, мысли, сообщить (устно или письменно)" : "велеть, приказать" (*сказать3*), "выразить словесно мнения, мысли, сообщить (устно или письменно)" : "выразить с помощью чего-либо; открыть смысл, сущность чего-либо" (*сказать4*), "громко и отчётливо произносить слова, выделяя каждый слог" : "читать стихи, подчёркивая их ритмичную структуру путём отчётливого выделения ударного слога в каждой строке" (*скандировать*).

Классификационные симилятивные связи обнаруживаются в семантических структурах 69 процессуальных наименований и образуют 126 корреляций:

"Бить в барабан, играть на барабанах" : "говорить, читать громко, быстро, невыразительно" (*барабанить1*), "часто и дробно стучать" : "говорить, читать громко, быстро, невыразительно" (*барабанить2*), "громко и неискусно играть (на пианино, рояле) " : "говорить, читать громко, быстро, невыразительно" (*барабанить3*); "издать сильный, низкий звук или раздаться" : "необдуманно, неожиданно сказать, сделать что-либо, что не следовало делать" (*бахнуть1*), "с шумом ударить, стукнуть, выстрелить" : "необдуманно, неожиданно сказать, сделать что-либо, что не следовало делать" (*бахнуть2*); "говорить тихо и невнятно" : "издавать негромкие глухие звуки" (*бормотать*); "заставить переместиться по воздуху, упасть (усилием руки)" : "направить, обратить к кому-либо слова или взгляд" (*бросить1*); "быстро переместить, направить, послать" : "направить, обратить к кому-либо слова или взгляд" (*бросить2*), "положить резко или небрежно" : "направить, обратить к кому-либо слова или взгляд" (*бросить3*), "выпустить, перестать держать" : "направить, обратить к кому-либо слова или взгляд" (*бросить4*); "издать стук при ударе" : "необдуманно, неосторожно сказать" (*брякнуть1*), "с силой бросить, уронить и т.п., вызвав шум, стук" : "необдуманно, неосторожно сказать" (*брякнуть2*); "говорить негромко, ворчливо и невнятно" : "издавать бурлящие звуки" (*бурчать*); "издавать негромкие, низкие, выражающие недовольство звуки" : "сердито бормотать, выражая неудовольствие, брюзжать" (*ворчать*); "выплеснуть из себя" : "произнести, выкрикнуть (брань, проклятия, угрозы) " (*извергнуть*); "проявиться, обнаружиться (о чувствах, настроениях) " : "дать выход чувствам, мыслям, переживаниям; высказаться" (*излиться*); "извергать, выбрасывать из себя" : "произносить, выкрикивать (грубую, оскорбительную брань, проклятия)" (*изрыгать*); "изменять, исказить" : "произносить неправильно, с ошибками" (*коверкать1*), "произносить неправильно, с ошибками" : "неправильно излагая, исказить, извращать" (*коверкать2*); "издавать нечленораздельные, неясные звуки (о человеке)" : "говорить, произносить что-либо глухо и невнятно (*мычать*)" ; "бросить что-либо друг другу" : "обращаясь друг к другу быстро обменяться (словами, замечаниями)" (*переброситься*). Симилятивные классификационные также ярко прослеживаются в семантической структуре следующих процессуальных смыслов: *бухать* (3 корреляции), *ввернуть*, *верещать*, *ворковать*, *воркотать*, *выпалить*, *выцедить* (2 корреляции), *вякать*, *городить*, *гудеть* (3 корреляции), *дудеть*, *жевать*, *жуужжать*, *кудахтать*, *лотошить*, *ляпнуть*, *мекать*, *молоть*, *молотить* (3 корреляции), *мурлыкать*, *мычать* ("издавать протяжные звуки типа му-у-у (о быках, коровах и некоторых других животных)" : "говорить, произносить что-либо глухо и невнятно"), *мямлить*, *ныть*, *обложить* (4 корреляции), *отчеканить*, *петлять*, *петь* (5 корреляций), *пищать* (2

корреляции), *припечатать*, *проглотить* (2 корреляции), *пропыхтеть*, *проскрежесать*, *проскулить*, *прошипеть*, *пуржить*, *расчирикаться*, *резать* (11 корреляций), *ронять* (3 корреляции), *рокотать* (2 корреляции), *рубить* (3 корреляции), *рычать*, *рывкать*, *скрипеть*, *смолоть* (2 корреляции), *соскочить* (3 корреляции), *стрекотать*, *сыпать* (4 корреляции), *тарабаниить*, *тарахтеть*, *толкать* (3 корреляции), *трепать* (4 корреляции), *трещать* (3 корреляции), *тянуть* (3 корреляции), *цедить* (3 корреляции), *чирикать* (2 корреляции), *щебетать*.

В каждом отдельном виде содержательной связи коэффициент полисемантической, исчисляемый соотношением числа производных смыслов и их инвариантов, составляет: в импликации – 1.4, в инклюзии – 2.2, в симилиации – 1.8. Наиболее репрезентативным типом содержательной связи в семантической структуре предикатов-полисемантов в русском языке является классификационная симилиативная связь.

Библиографический список

1. Брылева Р.Ф. Сопоставительный анализ субстантивов с оценкой «неприятный запах» на материале русского, французского и башкирского языков//Современные проблемы науки и образования: электронный научный журнал. – 2015. – № 1-1. [Электронный ресурс]. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=18901> (дата обращения: 10.11.2016).
2. Мингазетдинова Р.Ф. Содержательные связи в семантической структуре субстантивов-полисемантов со значением «устная речь» во французском языке//Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2016. – №5. – С. 175-179.
3. Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. – Владимир: ВГПИ, 1974. – 219 с.
4. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М.: Ленингр.университет, 1988. – 108с.

Словари

1. Большой толковый словарь русского языка // Гл.ред. С.А. Кузнецов. – С.-Пб.: «НОРИНТ», 2002.
2. Словарь русского языка в 4-х томах // Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: «Русский язык», 1999.
3. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. проф. Л.И. Скворцова. – М.: ООО «Издательство Оникс», 2008.

УДК 81.366

**Твердохлеб О.Г. Глаголы субъектно-объектного перемещения,
ориентированного относительно конечного пункта
(субъектная валентность; изосемические конструкции)**

**Verbs of subject-object move, oriented relative to the destination
(subjective valence; isosemous design)**

Твердохлеб Ольга Геннадьевна

Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург
ogtwrd@gmail.com

Tverdokhleb Olga Gennadjevna

Orenburg State Teacher Training University, Orenburg

Аннотация. Эта статья рассматривает проблему семантических актантов и семантику глаголов «субъектно-объектного перемещения, ориентированного относительно конечного пункта» в конструкциях современного русского языка. В работе исследованы и описаны синтаксические конструкции с глаголами лексико-семантической подгруппы «субъектно-объектного перемещения, ориентированного относительно конечного пункта», обнаруженные методом сплошной и частичной выборки в художественных и научно-популярных текстах современного русского языка. Проведенный анализ иллюстративного материала показал, что в субъектных позициях изосемически при активной форме глаголов лексико-семантической подгруппы «субъектно-объектного перемещения, ориентированного относительно конечного пункта» могут быть представлены имена существительные (местоимения, субстантивированные прилагательные), называющие людей, сверхъестественных существ и животных. Полученные результаты и приводимый в данной работе богатый иллюстративный материал могут найти применение в практике составления словарей, а также представляют интерес для теории и практики перевода и для теории залога.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа глаголов, субъект.

Abstract. This article considers the problem of semantic actants and the semantics of verbs "subject-object move, based on the final paragraph" in constructions of modern Russian language. The paper examines and describes the syntax with verbs of the lexical-semantic subgroup "subject-object move, oriented relative to the destination", discovered by continuous and partial selections in fiction and non-fiction texts of the modern Russian language. The analysis of illustrative

material showed that the subjective positions yosemites with the active form of verbs, lexical-semantic subgroup "subject-object move, oriented relative to the destination" may be represented by nouns (pronouns, substantivized adjectives), calling people, supernatural beings and animals. The results obtained and reproduced in this work, rich illustrative material can be used in the practice of compiling dictionaries, and also of interest for the theory and practice of translation and the theory of diathesis.

Keywords: lexico-semantic group of verbs, the subject

I. Рассматривая вслед за многими лингвистами [1; 2; 4; 8; 21; 22; 23 и др.] семантику предложения как представленную в нем ситуацию, чаще всего называемую глаголом, мы продолжаем описание валентностей семантических групп глагола [11-20], так как «валентные свойства словесных форм как членов модели принадлежит не отдельным словам, а классам слов внутри одной части речи» [7, с. 28].

Объектом анализа являются изосемические (по терминологии Г.А. Золотовой [5, с. 163]) репрезентации в субъектной сфере [10] семантических актантов в структуре современного русского предложения с глаголами лексико-семантической подгруппы «субъектно-объектного перемещения, ориентированного относительно конечного пункта», лексико-семантической группы (в дальнейшем — ЛСГ) «перемещения, ориентированного относительно конечного пункта» (подгруппа 1.1.3.2 в [6, с. 16]; или в [3]: «Предикаты поступательного движения. Нейтральные к противопоставлению по среде перемещения. Обозначающие произвольное перемещение»).

К глаголам лексико-семантической подгруппы «субъектно-объектного перемещения, ориентированного относительно конечного пункта» в [6, с. 17-18] отнесены 63 лексемы: *адресовать, втянуть / втягивать, добросить / добрасывать, докатить / докатывать, докинуть / докидывать, домчать, доставить / доставлять, забросить / забрасывать², завезти / завозить¹, завести / заводить¹, завлечь / завлекать, закинуть / закидывать², заманить / заманивать, замести / заметить¹, занести / заносить¹, запустить¹ / запускать¹, командировать, метать, навести / наводить, направить / направлять, отвезти / отвозить, отвести / отводить, отвлечь / отвлекать, откомандировать / откомандировывать, отнести / относить, отослать / отсылать, переместиться / перемещаться, переносить², подвезти / подвозить, подвести / подводить, подвести / подгребать, подкатить / подкатывать, поднести / подносить, подогнать / подгонять, пододвинуть / пододвигать, подпустить / подпускать, подтащить / подтаскивать, подтянуть / подтягивать, препроводить,*

приблизить / приближать, привалить, привезти / привозить, привести / приводить, привлечь / привлекать, пригнать / пригонять, пригрести / пригребать, придвинуть / придвигать, прикатить / прикатывать, прилить / приливать, приманить / приманивать, принести / приносить, прислать / присылать, приставить / приставлять, притащить / притаскивать, притянуть / притягивать, провести / проводить¹, продвинуть / продвигать, протолкнуть / проталкивать, развезти / развозить, разослать / рассылать, сблизить / сближать, сослать / ссылать, услать / усылать.

Помимо общей семантики, многие из перечисленных глаголов характеризуются еще и общим морфологическими (морфемными) показателями — сходными словообразовательными формантами: префиксами *до-, за-, от-, про-, при-*.

Приведем примеры предложений из нашей картотеки, образованных анализируемыми глаголами:

— *докатить / докатывать*: ...**расчет** младшего лейтенанта Воронова **докатил** «полковушку» почти до самой баррикады (Р. Кожурахов. Штрафники будет Рейхстаг);

— *доставить / доставлять*: Сейчас подвода с района придет и под охраной хлебушек твой голодающим **доставят!** — Доставят, доставят. Да только тебя... **черти** прежде в гиену огненную **доставят** (С. Ванин. Стражи времени: Спецслужба Хронос);

— *забросить / забрасывать²*: Эти деньги ей достались странным путем, в ювелирный отдел, принадлежащий ей и расположенный вне поля самообслуживания универсама, бегущий **мужчина забросил** сумку (Н. Патрацкая. Алмазная сударыня);

— *завезти / завозить¹*: Да что **он**, свои, что ли, дрова-то **завозил?** — разозлившись, закричал **Шурка** (К. Симонов. Дым отечества);

— *отвезти / отвозить*: Однако тело умершего редко **отвозят** на его родину (В.Г. Богораз. Чукчи);

— *прикатить / прикатывать*: Это наш удивительный **папа** нашел где-то большую вязанку дров, уложил их на салазки и **прикатил** на себе (Ю. Гиппенрейтер. Самая важная книга для родителей);

— *принести / приносить*: Перед ним стояла женищина. «Опять пришла Она», — подумал он. Она **принесла** ярко-желтый кленовый лист и протянула ему (З. Карпова. Контакт);

— *притащить / притаскивать*: ...мой новый **друг** исчезает за ближайшими валунами и вскоре **притаскивает** оттуда громадную дыню (Р. Свечников. Рома едет. Вокруг света без гроша в кармане);

– **протолкнуть / проталкивать**: Пол Хендерсон нашел пасом ушедшего от опеки Бобби Кларка, и **тот**, срезав угол, вышел на Третьяка и **протолкнул** шайбу у него между ног (Ф. Раззаков. Российский хоккей: от скандала к трагедии);

– **развезти / развозить**: Автобус **развез** пассажиров по гостиницам (В. Пронин. Высшая мера) и др.

К перечисленным выше лексемам анализируемой нами лексико-семантической подгруппы «субъектно-объектного перемещения, ориентированного относительно конечного пункта» добавим лексему из нашей картотеки:

– **доводить / довести**: Достоевский... **довел** в себе революцию до последней анархии ... (В. Розанов. На лекции о Достоевском).

II. Проведенный нами анализ свидетельствует, что субъектная сфера глаголов указанной подгруппы может заполняться по-разному: изосемически и неизосемически [5, с. 163].

Эта работа посвящена исследованию изосемических конструкции.

В субъектной позиции изосемических конструкций при указанных глаголах представлены разные таксономические классы (Т-классы) имен, а именно:

- Т-классы «лица»;
- Т-классы «сверхъестественные существа»;
- Т-классы «животные».

В субъектной сфере в современном русском предложении, образованном глаголами ЛСГ «субъектно-объектного перемещения, ориентированного относительно конечного пункта», имена Т-класса лицо / лица (человек, люди) могут быть представлены:

1) в активной конструкции в позиции подлежащего:

а) именем существительным в форме именительного падежа, напр.:

• собственным: Как Сергей (субъект, имя сущ., собств., имен. п.), пока Макар переодевается, **притаскивает** (актив) для него из камбуза два огромных бутерброда (Е. Михалкова);

• нарицательным: ...мой новый **друг** (субъект, имя сущ., нариц., имен. п.) **исчезает** за ближайшими валунами и вскоре **притаскивает** (актив) оттуда громадную дыню (Р. Свечников. Рома едет. Вокруг света без гроша в кармане);

б) местоимением в форме именительного падежа, в частности:

• личным, напр., 3-го лица единственного числа: *Перед ним стояла женщина. «Опять пришла Она», – подумал он. Она* (субъект, личн. мест.,

имен. п.) **принесла** (актив) *ярко-желтый кленовый лист и протянула ему* (З. Карпова. Контакт),

- относительным: *Это вызывало необходимость в рабочих, **которые*** (субъект, относит. мест., имен. п.) **подтаскивали** (актив) *траву к машине* (А.А. Зубрилин, П.А. Герасимова. Технология корма);

- указательным: *Пол Хендерсон нашел пасом ушедшего от опеки Бобби Кларка, и **тот*** (субъект, указ. мест., имен. п.), *срезав угол, вышел на Третьяка и **протолкнул*** (актив) *шайбу у него между ног* (Ф. Раззаков. Российский хоккей: от скандала д трагедии);

- неопределенным: *...откуда-то волокли, кряхтя, аппарат телекса; **кто-то*** (субъект, неопр. мест., имен. п.) **подтащил** (актив) *несколько портретов и тоже бросил их на книжную кучу...* (В. Михайлов. Ночь черного хрусталя); *Ловкие руки ошмонали Исенина. **Кто-то*** (субъект, неопр. мест., имен. п.) **подтащил** (актив) *его к батарее и сковал запястья наручниками* (Ю. Латынина. Джаханнам, или До встречи в Аду);

в) субстантивированным прилагательным в форме именительного падежа: **Рабочие** (субъект, субстантив. прил., имен. п.) *собирались в 5 часов 30 минут утра... приступали к подготовке рабочего места: **подтаскивали*** (актив) *бревна, брусья к месту работы* (Б. Мокиевский. Завод на Двине);

2) в позиции агентивного дополнения в пассивной конструкции:

в) нарицательным именем существительным (субстантивированным именем прилагательным) в форме творительного падежа, ср.: *Для изготовления таких молотов употреблялись в Миттерберге серпентиновые гальки, которые **приносились*** (пассив) **людьми** (субъект; твор. п.) *из наносов Зальцаха* (И. Ранке. Человек); *Из последнего ручья обжимной клетки заготовка **подтаскивается*** (пассив) **рабочим**-резальщиком к ножницам (Промышленный травматизм и борьба с ним).

Изосемически в субъектной сфере описываемых конструкций могут быть репрезентированы имена и других Т-классов, а именно:

- имена Т-класса **сверхъестественное существо**, напр.: *Сейчас подвода с района придет и под охраной хлебушек твой голодающим **доставят!*** — *Доставят, доставят. Да только тебя... **черти** прежде в гиену огненную **доставят*** (С. Ванин. Стражи времени: Спецслужба Хронос);

- имена Т-класса **животное**, напр.: *Непонятно только, где фотограф тукана заснял: у чужого гнезда либо **птица** **принесла** гостинец подруге, сидящей в гнезде.* (В. Песков. «Комсомольская правда». 12.01.96, 11); *...в 1964 году **голуби** **доставляли** в редакции газет пленки* (Ю.Д. Дмитриев. Соседи по планете. Птицы, 36); *... (охотник — О.Т.) кидал наземь одного из тигрят и*

мать (тигрица — О.Т.) *тут же относил*а его на прежнее место... (Л. Винничук. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима, 56).

Имя Т-класса **растение** при глаголах ЛСГ «субъектно-объектного перемещения, ориентированного относительно конечного пункта» имя Т-класса **растение** в субъектной позиции в нашей картотеке не представлено, хотя, как мы уже отмечали ранее, оно может быть в субъектной сфере при глаголах некоторых других лексико-семантических групп, напр., при глаголах ЛСГ *соединения*, ср.: *Прорастая, эти растения своими корнями скрепляют воздушные муравейники...* (Г. А. Денисова. Удивительный мир растений) (пример из: [18, с. 6]), или при глаголах ЛСГ *давления*, ср.: *...растения в лесу заглушают друг друга...* (А. Богданов. Очерк организационной науки) (пример из: [15, с. 36]).

Таким образом, в субъектной сфере могут быть представлены изосемически наименования людей, сверхъестественных существ и животных, репрезентированные именем существительным (местоимением, субстантивированным прилагательным) в форме именительного падежа при активной форме глаголов лексико-семантической подгруппы «субъектно-объектного перемещения, ориентированного относительно конечного пункта», или в форме творительного падежа при активной форме этих же глаголов.

Библиографический список

1. Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М. : Изд-во Моск. ГУ, 1971. – 294 с.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды : В 2 т. Т. 1: Лексическая семантика: Синонимические средства языка. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М. : Языки славянской культуры, 1995.
3. Васильев Л. М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Т. 1. – Уфа : Гилем, 2005. – 466 с.
4. Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики - 1972. – М. : Наука, 1973. – С. 326-349.
5. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. - 528 с.
6. Лексико-семантические группы русских глаголов: Учебн. слов.-справ. / Под общей ред. Т. В. Матвеевой. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та. – 1988. – 153 с.
7. Ломтев Т. П. Природа синтаксических явлений // Филол. науки. – 1961. – № 3. – С. 26-37.
8. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса (Материалы к трансформационной грамматике русского языка). – М. : Наука, 1974. – 292 с.

9. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.

10. Твердохлеб О.Г. Репрезентация способа, орудия и средства в субъектной сфере предложений с глаголами действия, состояния и отношения: дис... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1999. – 213 с.

11. Твердохлеб О.Г. Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы «покрытие» // Русский язык как средство межкультурной коммуникации и консолидации современного общества: Материалы Международной научно-практической конференции. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. – Т. 1. – С. 127–131.

12. Твердохлеб О.Г. Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы «отделение» // Вестник Оренбургского педагогического университета: Естественные и гуманитарные науки. – 2007. – № 2 (48). – С. 56–62.

13. Твердохлеб О.Г. Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы «разрушение» // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 152–153.

14. Твердохлеб О. Г. Субъектная сфера глагола «включить»: посессор // Sci-article.ru. – 2016. – № 1. – С. 99-105.

15. Твердохлеб О. Г. Агенса ситуации, описываемой глаголами лексико-семантической группы «давление» // Филологический аспект: научно-практический журнал. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука». – 2016. – № 1. – С. 34-38.

16. Твердохлеб О. Г. Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы соединения: агенса и посредник // Когнитивные исследования языка. – 2015. – № 21. – С. 462-464.

17. Твердохлеб О.Г. Общая грамматическая характеристика конструкций с совокупным субъектом при глаголах соединения // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2016. – № 3 (41). – С. 57-65.

18. Твердохлеб О.Г. Валентностное окружение глагола соединить: 1. Агенса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2015. – Т. 12, № 4. – С. 5–7.

19. Твердохлеб О. Г. Орудие в субъектной сфере неизосемических конструкций, образованных глаголами вертикального субъектно-объектного перемещения // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Сборник научных трудов по материалам I

Международной научно-практической конференции. Научно-издательский центр «Открытое знание». – Нижний Новгород. – С. 66-75.

20. Твердохлеб О.Г. Субъектная сфера неизосемических конструкций: глаголы перемещения, ориентированного относительно промежуточного пункта // Филологический аспект. – 2016. – № 10. – С. 30-39.

21. Твердохлеб О.Г. Агенса глаголов лексико-семантической группы «поглощения» // NovaInfo.Ru (Электронный журнал.) – 2016 г. – № 48-1. – С. 232–240.

22. Храковский В.С. Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций. – Л. : Наука, 1974. – С. 5-45.

23. Шведова Н.Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание. УП международный съезд славистов. Варшава, авг. 1973. Доклады сов. делегации. – М. : Наука, 1973. – С. 458-483.

24. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. – 54 с.

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ

УДК 81-139

Землякова Е.А. Анализ пейзажной единицы в художественном тексте (на материале произведения А.К. Doyle "The Adventure of the Devil's foot")

Analysis of language landscape unit in the literary text (based on the works of A.K. Doyle "The Adventure of the Devil's foot")

Землякова Евгения Андреевна

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород
jeleznyak@mail.ru

Zemlyakova Evgeniya Andreevna
Belgorod National Research University, Belgorod

Аннотация: В статье рассматривается пример когнитивно-герменевтического анализа номинативных полей пейзажной единицы в художественном произведении А.К. Doyle "The adventure of the Devil's foot") и тексте его перевода на русский язык. Исследуются проблемы кросскультурной адаптации пейзажных единиц как важных составляющих художественного текста. Выявляется взаимосвязь маркеров цветогаммы и хронемы с описанием морского пейзажа.

Ключевые слова: когнитивно-сопоставительный анализ, пейзажная единица, художественный текст.

Abstract. The article deals with an example of cognitive-hermeneutic analysis of nominative fields of language landscape units in the AK Doyle's "The Adventure of the Devil's Foot" and the text of its translation into Russian language. We research the problems of cross-cultural adaptation of language landscape units as an important component of a literary text. We discover the relationships between the markers of color, chroneme and seascape.

Keywords: cognitive-comparative analysis, language landscape units, literary text.

В современной лингвистике значение номинативных единиц понимается как единство внутреннего и внешнего содержания языкового знака. Внутреннее содержание слова определяет его языковое значение – результат взаимодействия грамматического, лексического, морфологического и стилистического значений.

Проблема текста становится актуальной во второй половине XX века. Текст выступает сегодня предметом изучения самых разных наук. В их числе филология, социология, культурология, семиотика, текстология, герменевтика, поэтика, риторика и другие.

В художественном тексте реализуется авторское видение мира. В сознании переводчика как читателя оригинального текста, прежде всего, осуществляется «первичное новое порождение концептов», которое в процессе перевода приводит к «вторичному новому порождению художественных концептов».

В исследованиях Е.А. Огневой художественный текст рассматривается как «конгломерат глубинных этносмыслов народа в преломлённой проекции мировидения писателя, как креативный лингвоконструкт реальности, как репрезентационный символ синергии прошлого, настоящего и будущего, синергии, вербализованной посредством языковых знаков, формирующих

таким образом художественный мир, модель которого находится в центре лингвокогнитивных, лингвокультурологических и иных исследований» [2, с. 382].

Пейзаж влияет на читательское восприятие текста, что представляет возможным рассматривать пейзаж как особую текстовую единицу. Пейзажные компоненты различаются по своим основным параметрам. Пейзажная единица может рассматриваться в качестве связующего звена между типами контекста и текстом.

По мнению В.Н. Рябовой «пейзажная единица является особым элементом текстовой структуры, который имеет свою семантику, в первую очередь изобразительную, грамматическую выраженность средствами разных уровней языка (лексическим, синтаксическим, морфологическим), а также функциональную значимость для всего текста». [3, с. 5].

По мнению В.Н. Левиной, «пейзаж в художественном тексте – это особое средство накопления, хранения и передачи знаний, инструмент познания действительности, позволяющий постичь национальную ментальность» [1, с. 401].

Пейзажная единица как базовый компонент текстовых пейзажных моделей рассматривается нами в качестве смысловой единицы текста, представляющей пейзаж как текстовый фон к описываемым действиям персонажей [2, с. 383].

Пейзаж – это описание природы. Для пейзажной единицы, являющейся частью текста, актуальны те же типы информации, определяющие его содержание: 1) событийная; 2) философская; 3) социальная; 4) психологическая; 5) эстетическая. Выделяют следующие принципы классификации пейзажных единиц текста: семантический, грамматический и функциональный.

Проведем исследование пейзажной единицы на примере материала художественного пространства концептосферы рассказа А.К. Дойля "Дьяволова нога" и тексте его перевода на русский язык.

Проанализируем структуру номинативного поля пейзажной единицы: событийно-сюжетный пейзаж + морской пейзаж.

Пример 1. Engl.: *From the windows of our little whitewashed house, which stood high upon a grassy headland, we looked down upon the whole sinister semicircle of Mounts Bay, that old death trap of sailing vessels, with its fringe of black cliffs and surge-swept reefs on which innumerable seamen have met their end. With a northerly breeze it lies placid and sheltered, inviting the storm-tossed craft to tack into it for rest and protection* [5, с. 3].

Ру.: Из окон нашего беленого домика, высоко стоящего на зеленом мысе, открывалось все злоеущие полукружие залива Маунтс-Бей, известного с незапамятных времен как смертельная ловушка для парусников: скольких моряков постигла смерть на его черных скалах и подводных рифах. При северном ветре залив выглядел безмятежным, укрытым от бурь и манил к себе гонимые штормом суда, обещая им покой и защиту [4, с. 3].

Когнитивно-герменевтический анализ материала показал, что данный контекст представляет комплексную пейзажную единицу, описывающую три типа пейзажа: (1) пейзаж поверхности земли (*a grassy headland*) - **зеленый мыс**, (2) водный пейзаж (*semicircle of Mounts Bay*) - **залив Маунтс-Бей**, (3) пейзаж воздушного пространства (*with a northerly breeze*) - **при северном ветре**.

В исследуемом номинативном поле пейзажной единицы выявлены: одиннадцать односоставных номинантов: (1) *from the windows of house* с ядром *the windows*, (2) *a grassy headland* с ядром *headland*, (3) *we looked down* с ядром *we*, (4) *sailing vessels* с ядром *vessels*, (5) *its fringe* с ядром *its*, (6) *black cliffs* с ядром *cliffs*, (7) *surge-swept reefs* с ядром *reefs*, (8) *innumerable seamen* с ядром *seamen*, (9) *their end* с ядром *end*, (10) *a northerly breeze* с ядром *breeze*, (11) *the storm-tossed craft* с ядром *craft*; пять двухсоставных номинантов: (1) *house, which stood high upon a grassy headland* с ядром *house*, (2) *our little whitewashed house* с ядром *house*, (3) *the whole sinister semicircle of Mounts Bay* с ядром *semicircle*, (4) *that old death trap* с ядром *trap*, (5) *it lies placid and sheltered* с ядром *it*.

В данном примере мы видим описание залива Маунтс-Бей. В структуре пейзажной единицы можно проследить корреляцию маркеров цветогаммы (*black cliffs* - черные скалы), хронемы (*old death trap* - смертельная ловушка), описания погоды (*with a northerly breeze* - при северном ветре) и событийно-сюжетного пейзажа. Цветовая палитра представлена двумя цветами: зелёный – *grassy*, черный – *black*.

Некоторые номинанты маркера пейзажа адаптированы при переводе на русский язык в разной степени адекватности оригиналу. Например, номинант *a grassy headland* переведен асимметрично: **зеленый мыс**. Таким образом переводчик показывает нам цветогамму номинанта. Номинант *surge-swept reefs* переведен как «подводных рифах». Номинант *innumerable seamen* переведен асимметрично: **скольких моряков**. Очевидно, перевод был сделан несколько ассиметрично с целью усиления психологизма, драматизма переживаний автора при описании морского пейзажа. Номинант *their end* также переведен асимметрично: **смерть**.

Номинант *it lies placid and sheltered* переведен асимметрично: **залив выглядел безмятежным, укрытым от бурь**.

Номинанты: *we looked down; its fringe* не переведены на русский язык. Также в примере автор использует маркер хронемы: *that old death trap*.

В ходе анализа перевода приведенного выше отрывка примера пейзажной единицы, нами сделан вывод, что переводчик изменил структуру предложений и значения некоторых номинантов. Это было необходимо сделать для того, чтобы адаптировать текст для более легкого и точного понимания русского читателя. *Видно, что переводчик так же, как и автор произведения стремиться нарисовать словами перед читателем картину морского пейзажа, используя маркеры цветогаммы, светогаммы и хронемы.*

Библиографический список

1. Левина, В.Н. Концептуализация пейзажа в художественном тексте // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: моногр. / гл. ред. Е.С. Кубрякова, отв. ред. Н.Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Р.Г. Державина, 2009. С. 398-413.
2. Огнева Е.А. Текстовая пейзажная модель как когнитивный формат знания (на материале произведения А. Ирасека «Псоглавцы») // Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2016. – 508 с.
3. Рябова В.Н. Пейзажная единица текста: семантик, грамматическая форма, функция (на материале произведений А.П. Чехова): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р Державина, 2002.
4. Артур Конан Дойл. Дьяволова нога. – 1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/Holms/25.htm> (дата обращения: 06.11.2016).
5. Sir Arthur Conan Doyle. The Adventure of the Devil's Foot. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.authorama.com/adventure-of-the-devils-foot-1.html> (дата обращения: 06.11.2016).

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81-139

**Огнева Е.А. Алгоритм построения когнитивной текстовой
социокультурной модели**
Algorithm of cognitive text social-cultural model constructing

Огнева Елена Анатольевна

Белгородский государственный национальный исследовательский
университет, Белгород
Ogneva@bsu.edu.ru

Ogneva Elena Anatolievna

Belgorod National Research University, Belgorod

Аннотация. В статье рассмотрена архитектура концептосферы художественного текста. Разграничены два понятия «когнитивно-сюжетная матрица художественного текста» и «концептосфера художественного текста». Предложен алгоритм исследования когнитивной текстовой социокультурной модели, под которой понимается исследовательский конструкт как совокупность номинантов, репрезентирующих в тексте культурологическую специфику бытия представителей различных слоёв общества, выступающих в роли персонажей художественного произведения. Представлена когнитивная текстовая социокультурная модель «Аристократия Великобритании», выявленная в произведении Дж. Голсуорси «Flowering Wilderness».

Ключевые слова: концептосфера художественного текста, текстовая социокультурная модель, лингвокультурема, исследовательский конструкт, когнитивно-герменевтический анализ.

Abstract. The article deals with the literary architectonics. Two ideas, such as “the literary cognitive-plot matrix” and “literary conceptsphere” are identified. The research algorithm of the text social-cultural model is presented. The textual social-cultural model is identified as the research construct which is the complex of units to represent the cultural specificity of different social groups` being as the characters being. The cognitive text social-cultural model named “Aristocracy of great Britain” is constructed by the researching of “Flowering Wilderness” by J. Galsworthy.

Key words: literary conceptsphere architectonics, text social-cultural model, linguo-cultureme, research construct, cognitive- hermeneutic analysis

Когнитивное моделирование как одно из активно развивающихся направлений современной отечественной когнитивной лингвистики предоставляет широкий спектр научных данных, полученных посредством применения разнообразного исследовательского инструментария, как относящегося исключительно к области когнитивной лингвистики, так и функционирующего на стыке лингвокогнитивистики, лингвокультурологии, психолингвистики, социолингвистики и других смежных дисциплин.

Тем не менее, по-прежнему существует ряд нерешённых проблем, одна из которых представляет собой разработку алгоритма моделирования когнитивных текстовых социокультурных конструктов как базовых компонентов литературно-художественных произведений. Разработка этого алгоритма позволит расширить интерпретативные возможности когнитивного моделирования художественных текстов, которые в нашей концепции текстового когнитивного моделирования рассматриваются в виде концептосферы.

Общеизвестно, что термин «концептосфера» был введен в научный оборот академиком Д.С. Лихачевым, который указывал в своих исследованиях на тот факт, что «концепты составляют разнообразные сферы и в совокупности создают концептосферу национального языка» [5, с. 282].

Часть концептосферы национального языка проецируется писателем в формат когнитивно-сюжетной матрицы художественного произведения. Под когнитивно-сюжетной матрицей художественного текста нами понимается комплексная текстовая модель реального или вымышленного мира, репрезентированного писателем в произведении и обусловленного его индивидуально-авторским видением тематики произведения, воплощаемой в речевых конструкциях текста, параметры которого заданы, прежде всего, мировидением писателя, целями и задачами создания конкретного произведения.

Когнитивно-сюжетная матрица художественного произведения как часть национальной концептосферы языка коррелирует с понятием «концептосфера художественного текста», которая рассматривается нами как совокупность художественных концептов. Подчеркнём тот факт, что с точки зрения подходов к моделированию оба эти исследовательские конструкты, *когнитивно-сюжетная матрица художественного текста* и *концептосфера художественного текста*, не тождественны.

Художественный концепт как компонент художественной концептосферы текста представляет собой один из типов концепта как такового. Релевантным для нашего исследования является понятие концепта,

данное Ю.С. Степановым: «концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека, <...> то, посредством чего культура входит в ментальный мир человека, и, с другой стороны, посредством чего – обычный человек, не «творец культурных ценностей», – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [7, с. 43].

Номинативное поле концепта, в частности художественного концепта, представляет собой совокупность следующих типов единиц: (1) нейтральные единицы, (2) коннотативно окрашенные единицы, (3) культурологически окрашенные единицы, т.е. лингвокультуремы. Поскольку наше исследование направлено на разработку алгоритма моделирования когнитивных текстовых социокультурных конструкторов, то в фокусе изучения и интерпретации находятся именно лингвокультуремы.

Известно, что впервые в научный обиход понятие «лингвокультурема» было введено В.В. Воробьёвым, который подчёркивал, что «лингвокультурема включает в себя сегменты не только языка (языкового значения), но и культуры (внеязыкового культурного смысла), репрезентируемые соответствующим знаком» [3, с. 44-45]. Н.Ф. Алефиренко в своих исследованиях отмечает тот факт, что введение понятия «лингвокультурема» позволяет развести такие смежные феномены, как картина мира, языковая картина мира и этноязыковое сознание [1].

В проводимых ранее исследованиях нами разграничивались два понятия «лингвокультурема» и «культурема». Под последней понималась «совокупность трех компонентов: план содержание, план выражение и реализм-предмет, отражаемая данным языковым знаком» [6].

Очевидно, что понятие «культурема» интерпретируется нами как более широкое явление в сравнении с понятием «лингвокультурема», которое даётся в работах Н.Ф. Алефиренко. Понятие «культурема», отчасти, коррелирует с понятием «лингвокультурема», предложенным В.В. Воробьёвым.

Подчеркнём тот факт, что, когда речь идёт об исследовании концептосферы языка, мы применяем термин «культурема», тогда как при исследовании архитектоники концептосферы художественного текста, а именно номинативных полей художественных концептов, входящих в состав рассматриваемой концептосферы, мы применяем понятие «лингвокультурема», данное В.В. Воробьёвым как более релевантное.

Существуют исследования, в которых предпринимается попытка дифференцировать такие два понятия, как «лингвокультурема» и «концепт». Так, в работах А.Ж. Бахралиновой, обращается внимание на следующий нюанс: «если концепт является дискретной единицей, вбирающей в себя различные смыслы, которые опредмечиваются в языковой форме, то лингвокультурема –

это комплексная единица, поскольку представляет собой единство лингвистического и экстралингвистического содержания» [2, с. 11].

С нашей точки зрения необходимо уточнить тот факт, что лингвокультурема, являясь комплексной единицей, представляет собой не единство любого лингвистического и экстралингвистического содержания, как это указано в работах А.Ж. Бахралиновой, а именно культурологически маркированного лингвистического и экстралингвистического содержания. Только в этом случае понимание лингвокультуры коррелирует с определением этой исследовательской единицы, данным в своё время В.В. Воробьевым.

В проводимом нами исследовании лингвокультурема является базовой единицей в когнитивных текстовых социокультурных моделях, которые наряду с когнитивными текстовыми социомоделями являются значимыми сегментами когнитивно-сюжетной матрицы художественного текста. Под когнитивной текстовой социомоделью нами понимается исследовательский конструкт как совокупность номинантов, репрезентирующих в тексте особенности бытия представителей различных слоёв общества, выступающих в роли персонажей художественного произведения. Номинативное поле этого типа модели представляет собой совокупность слов и словосочетаний, репрезентирующих персонажи, соотносящиеся с типажам той или иной социальной группы.

Наряду с когнитивной текстовой социомоделью, как указано выше, в нашей концепции текстового когнитивного моделирования рассматривается когнитивная текстовая социокультурная модель, под которой понимается исследовательский конструкт, представляющий собой совокупность номинантов-лингвокультурем, репрезентирующих в тексте культурологическую специфику бытия представителей различных слоёв общества, которые выступают в роли персонажей художественного произведения.

Выявление номинантов номинативного поля текстовой социокультурной модели осуществляется посредством когнитивно-герменевтического анализа материала текста художественного произведения. Выявленные номинанты-лингвокультуры классифицируются.

В настоящее время существуют различные классификации лингвокультурем, в том числе и текстовых лингвокультурем. Так, например, Г.А. Кажигалиевой предложено разделить текстовые лингвокультуры на три типа: прямые (неопосредованные) лингвокультуры, описательные лингвокультуры, фоновые лингвокультуры [4].

В основе проводимой нами классификации номинантов-лингвокультурем исследуемого типа текстовой модели находится авторская

классификация реалий, репрезентатами которых выступают лингвокультураны. Реалии классифицированы по следующим типам: «реалии традиционного быта; реалии религиозной культуры; общественно-политические и исторические реалии; географические и административно-территориальные реалии» [6].

Классификация выявленных лингвокультуран представляет собой базовый материал для реализации следующего этапа авторского алгоритма моделирования, а именно установление их частотности в исследуемом тексте для последующего графического моделирования социокультурной модели (моделей) как сегмента когнитивно-сюжетной матрицы художественного текста.

Так, например, когнитивно-герменевтический анализ романа Дж. Голсуорси “*Flowering Wildness*” выявил следующие базовые сегменты когнитивной текстовой социокультурной модели «Аристократия Великобритании»: сегмент «внешний облик героев произведения», сегмент «жесты героев произведения», сегмент «мимика героев произведения», сегмент «фразы персонажей».

Очертив круг базовых сегментов текстовой социокультурной модели, в данном случае текстовой социокультурной модели «Аристократия Великобритании», мы провели исследование номинативного поля каждого сегмента с целью установления частотности составляющих его единиц.

Так, исследование номинативного поля сегмента «внешний облик героев произведения» показало, что номинативное поле репрезентировано различными типами лингвокультуран, в частности, высокочастотны лингвокультураны, вербализующие типичную для аристократии исследуемого периода (20-30 годы 20 века) одежду: например, молодёжная одежда: *a blue overcoat with belt girt tightly round his thin middle*; одежда людей в солидном возрасте: *a brown suit and brown buckskin shoes* [8]. Также высокочастотны в данном номинативном поле лингвокультураны, вербализующие внешний вид персонажа в целом, например, *the rather disdainful look* [8].

Исследование номинативного поля сегмента «жесты героя произведения» выявило высокую частотность культурологически обусловленных маркеров невербального кода, например: *had her head tilted slightly upward to one side; lounged, with his hands in his trouser pockets* [8].

Исследование номинативного поля сегмента «мимика героя произведения» определило широкий спектр маркеров мимики, от удивления: *instantly her face became surprised*, до сдержанности: *a faint smile on her parted lips* и скептицизма: *good-looking face masked in a sort of shrewd skepticism* [8].

Рассмотрение номинативного поля сегмента «фразы персонажей» выявило высокую частотность нейтральных фраз, и низкую частотность

коннотативно окрашенных культурологических фраз, например, *flying and fed up to the teeth* [8]. Сравните: английский вариант: *fed up to the teeth* (сыт по зубы) и русский вариант: *сыт по горло*.

Таким образом, предложенный в данной статье алгоритм исследования когнитивной текстовой социокультурной модели, её интерпретация, является одной из попыток развития методологической базы моделирования когнитивных текстовых социокультурных конструкторов с целью создания основы для их последующего графического моделирования.

Исследование когнитивной текстовой социокультурной модели «Аристократия Великобритании» посредством авторского алгоритма выявило следующие базовые сегменты модели: сегмент «внешний облик героев произведения», сегмент «жесты героев произведения», сегмент «мимика героев произведения», сегмент «фразы персонажей».

Предлагаемый алгоритм исследования когнитивной текстовой социокультурной модели предоставляет комплексный спектр данных для изучения архитектоники когнитивно-сюжетной матрицы художественного текста.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Картина мира и этнокультурная специфика слова // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – 2009. – № 4. – С. 5–9.
2. Бахралинова А.Ж. Функционирование лингвокультуры в сознании билингвов, владеющих русским языком: теоретико-экспериментальное исследование : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2013. – 24 с.
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология : учеб. пособие. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 332 с.
4. Кажигалиева Г.А. О системе текстовых лингвокультурем. Вестник ТГГПУ. – № 1 (16). – 2009.
5. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От Теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. В.П. Нерознака. – М., 1997. – С. 280-289.
6. Моисеева С.А., Огнева Е.А. Художественный текст как объект межкультурной адаптации. Белгород: Белгород. гос. ун-т., 2003.
7. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. 990 с., илл. (Единый гуманитарный мир / Культурология / Summa).

Источники фактического материала

8.Galsworthy J. Flowering Wilderness. South Australia: The University of Adelaide Library [электронный ресурс]: eBooks@Adelaide.

УДК 81.25

Сунарчина Г.И. Некоторые аспекты передачи культураносной информации в процессе перевода с английского языка на русский

Some aspects of rendering culture information in translating from English into Russian

Сунарчина Гузель Ильшатовна

магистрант 1 г/о
факультета философии
и социологии БашГУ, г. Уфа
akiko1000@list.ru

Научный руководитель:

Мингазетдинова Римма Флюровна,
старший преподаватель БашГУ, г. Уфа
rflyurovna@mail.ru

Sunarchina Guzel Ilshatovna

1st year Master's degree student
of Philosophy and Sociology Department
Bashkir State University, Ufa

Scientific advisor:

Mingazetdinova Rimma Flyurovna,
senior assistant lecturer
Bashkir State University, Ufa

Аннотация. В статье приводятся некоторые аспекты передачи культураносной информации в процессе перевода с английского языка на русский. Переводчики фокусирует своё внимание на том, какими средствами оперировать при переводе текста, чтобы наиболее релевантно передать культурное содержание текста. Часто задачей переводчика является

преодоление культурных различий в переводе путем максимальной адаптации культуры носителей исходного языка к культуре носителей переводимого языка.

Ключевые слова: культураносная информация, перевод, языковые средства, эквивалент.

Abstract. The article reveals some aspects of adequate rendering culture information when translating from English into Russian. The translators focus their attention on the means of translation in order to perform the most relevant translation of the culture information. Frequently, the translator aims at overcoming cultural differences by maximum adaptation of the source language speakers' culture to that of the target language speakers.

Key words: culture information, translation, language means, equivalent.

На сегодняшний день в современной лингвистике отмечается большой интерес к проблеме взаимосвязи языка и культуры. Язык и культура являются неотъемлемой частью социума. Что касается такого многоаспектного понятия как «культура», то на данный момент можно найти около пятисот различных определений, которые все вместе дополняют друг друга. Несмотря на различие некоторых аспектов в определениях, многие авторы сходятся во мнении, что культура является искусственно созданной «второй природой», и она противопоставляется естественной природе.

Определения понятий культуры и языка неразрывно связаны между собой, так как язык – это отражение самой культуры. В свою очередь, каждая культура имеет свою языковую систему. В различных научных профилях можно найти большое количество определений языка, но все они сходятся в одном мнении: язык не существует вне культуры, это один из важнейших ее компонентов, форма проявления культурно-специфической деятельности человека.

Система языковых значений соотносится с культурной компетенцией носителей языка, так как в языке сосредоточено миропонимание народа, осознаваемое в контексте культурных традиций.

Многие зарубежные лингвисты применяют различные определения к переводчикам: «культурные посредники» - cultural mediators, [3, 12], «бикультурные личности» - bicultural personalities [6, 28], «кросс-культурные специалисты» - cross-cultural specialists [5, 101], «культурные операторы» - cultural operators [4, 133-155, 160-161].

Культура – это не только набор ценностей, верований, норм, но и неотъемлемая часть тех условий, в которых язык проявляет себя. То есть можно сказать, что язык является реальностью для людей.

Культура проявляется на так называемом внешнем (видимом) уровне и внутреннем (невидимом) уровне. На внешнем уровне могут наблюдаться такие проявления элементов культуры, как язык, жесты, традиции, поведение. А что касается внутреннего уровня, то тут можно говорить о таких проявлениях как образ мышления, система ценностей, поведение.

Исходя из этого, переводчики фокусируют своё внимание на том, какими средствами оперировать при переводе текста. Примерами могут служить такие выражения, как “received pronunciation”, “standard English”, “BBC English”. При переводе данных выражений проблематично подобрать подходящий эквивалент в русском языке, и в связи с этим, переводчик вынужден использовать прием компенсации, то есть пояснение этих понятий.

Приведем еще один пример. В США успешность людей определяется по престижному месту жительства. В романе ««The Bonfire of the Vanities» американский писатель Том Вулф представляет главного героя следующими словами: “*At that very moment, in the very sort of Park Avenue co-op apartment that so obsessed the mayor... Sherman McCoy was kneeling in his front hall*”. [7, 10]. Перед американским читателем предстает образ человека с высоким статусом, богатым и успешным, так как главный герой проживает на одной из самых престижных улиц Нью-Йорка, на Парк Авеню, и он также является долевым собственником дома (co-op apartment). Что не всегда может сразу же быть понятным для русского читателя. В подобном случае переводчику необходимо прибегнуть к адаптации информации.

Исследователи фразеологии отмечают, что в процессе перевода на русский язык фразеологизм очень часто подвергается разным трансформациям. Перевод фразеологизмов представляет собой значительные трудности, так как в русском и английском языке сравнительно не велико количество эквивалентов. Переводчику чаще приходится использовать русские фразеологизмы, аналогичные по смыслу английскому. Например: «*I felt like I was fleeced of my money, a damn feeling, boy, I can tell you*». «To fleece of smb's money» означает «обокрасть, обворовать, ободрать как липку». «Ободрать как липку» – русский аналог английского фразеологизма «to fleece of smb's money». Использовать его при переводе было бы неуместно, поэтому переводчик выбирает такой вариант, который соответствует образу героя и речевым характеристикам. «*Я чувствовал себя так, как будто бы меня ограбили среди бела дня, чертовски неприятное ощущение, можете мне поверить*».

Часто задачей переводчика является преодоление культурных различий в переводе путем максимальной адаптации культуры носителей исходного языка к культуре носителей переводимого языка, для решения которых он прибегает к приёмам замены, компенсации и опущения. При выборе стратегии экспликации, когда переводчик стремится ближе познакомить читателей с культурной атмосферой другого языка, он порой не адаптирует, а наоборот подчеркивает и обращает внимание читателей на данные различия, используя при этом такие приемы, как транслитерация, калькирование, примечания, разъяснения.

Таким образом, успех переводчика как специалиста лингвокультурной трансляции напрямую будет зависеть от умения правильно подобрать переводческий прием и средства, с помощью которых перевод текста будет равнозначен оригиналу.

Библиографический список

1. Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы. – М.: РУДН, 1997. – 407 с.
2. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода - 2-е изд. – М: Изд-во ЛКИ, 2007. – 176 с
3. Bochner S. The Mediating Person: Bridges between Cultures. Cambridge: Schenkman, 1981. – 209 с
4. Hewson L. and Martin, J. Redefining Translation: The Variational Approach. London: Routledge, 1991. – 769 с
5. Snell-Hornby, M. "The Professional Translator of Tomorrow: Language Specialist or All-Round Expert?" in Teaching Translation and Interpreting: Training, Talent and Experience. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1992. – 654 с.
6. Vermeer Hans J. Ein Rahem fur eine Allgemeine translationnsthierie. Lebende Sprachen 3, 1978. – 102 с
7. Wolfe, T. The Bonfire of the Vanities / T. Wolfe. – London : Picador, 1999. – 710 с

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398.81 (=512.145)

Гуменюк О.Н. Драматизм и диалогичность эмигрантской фольклорной лирики крымских татар (на примере песни «Кетеджекмен Джан Достым» – «Ухожу я, милый друг»)

Dramatic and dialogic qualities of emigrant folk lyrics by crimean tatars (based on the song “Ketejekmen Jan Dostym” – “I am going away, my dear friend”)

Гуменюк Ольга Николаевна

Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии
Национальной академии наук Украины

Humeniuk Olga Mykolayivna

Rylsky Institute for Art Studies, Folkloristic and Ethnology
(National Academy of Sciences, Ukraine)

Аннотация: В статье рассматривается крымскотатарская народная песня «Кетеджекмен джан достым» («Ухожу я, милый друг»). Это довольно примечательный в фольклоре крымских татар образец эмигрантской лирики, очень емкий и влиятельный. Присущий ему глубокий драматизм проявляется, в частности, в нестандартной диалогической форме. В песне сочетаются мотивы прощания с родной землей и любимым человеком. Разноплановая образно-композиционная изысканность, эмоционально-медитативная насыщенность, интонационная экспрессивность и многогранность – такие основные стилистические черты этой песни. Следует также отметить ее эффектную ритмико-звуковую организацию, содействующую афористичной четкости лаконичных строк.

Ключевые слова: фольклор крымских татар, лирика, эмигрантская песня, поэтика.

Abstract: The authoress of the article investigates the folk song by Crimean Tatars – “Ketejekmem jan dostym” (“I am going away, my dear friend”). It is rather typical in the folklore by Crimean Tatars sample of lyric emigrant song, very spacious and influential. Such its stylistic feature as deep dramatic quality appeared

particularly in the original dialogic form. The motives of separation from native land and beloved human being are united in this song. Many-sided figurative and compositional refinement, emotional and meditative saturation, variety of intonations and mood tints – such are main stylistic features of this song. It is also necessarily to mark out its effective rhythm and sound organization, which contributes to the aphoristic legibility of laconic strophes. One can feel in their unconstrained, as if mosaic associations a depth justification.

Keywords: folklore by Crimean Tatars, lyrics, emigrant song, poetics.

Вынужденная разлука двух влюбленных, их печальное прощание отображены в песне «Кетеджекмен джан достым» («Ухожу я, милый друг»). Это песня диалогического характера, но где заканчивается реплика одного из участников этого песенного диалога и начинается реплика другого, не всегда легко определить. Вполне возможно, что эти реплики в какие-то моменты накладываются одна на другую. Все это, конечно, усиливает экспрессивность лирического изложения. В записи, представленной в фольклорном сборнике Аблязиза Велиева и Сервера Какуры, видим попытку (не вполне успешную) как-то обозначить, отделить эти реплики [2, с. 58]. А вот в варианте, который фигурирует в антологии Февзи Алиева, что кажется более оправданным, отсутствуют соответствующие обозначения [1, с. 299].

Первый куплет (цитируется по сборнику А. Велиева и С. Какуры) принадлежит тому, кто отправляется в далекий путь:

Кетеджекмен джан достым,
Къал савлыкъман, яр.
Козюнънинъ (де) яшын силип къал,
Ал джавлыкъман, яр
(Ухожу я, мой милый друг,
Прощай, эх.
С глаз своих вытри слезы,
Возьми платок, эх).

Скорее всего, эта реплика принадлежит парню, прощающемуся с девушкой, которая (если брать во внимание общий контекст песни) еще не плачет, а, как он предполагает, вот-вот должна заплакать, а может он уже вылит слезы, проступающие на ее глазах. Поэтому дает ей свой платок (этот жест может свидетельствовать об их близких отношениях). Впрочем, в прощальный миг с любимой и парень может заплакать. А поскольку дальше идет речь о сдерживании слез, то тем более можно предположить, что реплика первого

куплета могла бы принадлежать и девушке. Как и в песне «Ачыл, эй, омрюмнинь вары» («Раскройся, эй, все, что в жизни есть у меня»), участники диалога могли бы в зависимости от обстоятельств меняться местами. Такая неопределенность, связанная, в частности, с отсутствием в тюркских грамматиках категории рода, вносит дополнительные импульсы в мятежно-взволнованное звучание песни.

Реплика следующего куплета принадлежит тому, кто остается. Этот участник любовного прощания говорит о сдержанности в миг разлуки, о сдержанности, за которой все просматривается невероятная сила горестных чувств, все-таки проявляющаяся в слезах, хотя эти слезы проливаются позже:

Кетме, кетме, демене
Халкътан ялдым, яр.
Сен кеткен сонъ артынъдан
Джылай (да) кьалдым яр
(Не уходи, не уходи, – промолвить
На людях стыжусь, эх.
После твоего ухода
Я в слезах, эх).

А вот третий куплет может исполняться дуэтом. По крайней мере, трудно определить, кому именно он принадлежит – тому, кто отъезжает, или тому, кто остается. Обоим бы хотелось обладать фантастическим крылатым конем (дюльдюль) и свободно парить в небесах, тогда никакие разлуки влюбленным были бы не страшны:

Кетиринъиз дюльдюлюм,
Сал егерим, яр.
Джылай (да) кьалсын артымдан
Джан суерим, яр
(Если бы у меня был крылатый конь,
Чтобы летать, эх.
Пусть заплачет за мною
Тот, кого люблю всей душой, эх).

Уже в только что процитированном куплете возвышенная мечтательность быстро сменяется ощущением горькой реальности. Эта реальность сурово напоминает о себе в последнем куплете, который

несомненно принадлежит тому, кто собирается в далекий путь и молвит грустные прощальные слова:

Савлыкъман къал, джан достум,
 Кетеджекмен, яр.
 Сени де Худайгъа эманет
 Этеджекмен, яр
 (Прощай, милый друг,
 Я ухожу, эх.
 Тебя ж на милость Божью
 Оставляю, эх).

Выражение «Халкътан ялдым» («На людях стыжусь»), фигурирующее во втором куплете, важно, в частности, для уяснения особенностей стилистики этого фольклорного произведения. Молодые люди не только при свидетелях, но и друг перед другом никак не решаются раскрыть всю силу своих искренних чувств, всю горечь своих тяжелых переживаний. Они, очевидно, хотят подбодрить и друг друга, и каждый себя. Поэтому часто характерный для крымскотатарской эмигрантской песни контраст между драматизмом передаваемых чувств и легкостью, даже игривостью ритма достигает здесь особой выразительности. Такая контрастность придает неожиданную окраску эмоциональной взволнованности песни, взволнованности, которая, как знаем, приумножается ввиду диалогического характера фольклорного произведения, отмеченного нестандартностью, некоторой неопределенностью границ реплик участников песенного диалога.

Так же как и ритм, и обращения субъектов лирического повествования друг к другу, наделен неоднозначностью, контрастным сочетанием разнородных эмоций, можно сказать, острым ощущением какой-то внутренней взрывной силы и песенный возглас «яр», которым заканчивается каждая вторая строчка песни (вторая и четвертая строчка каждого куплета). Возглас «яр» встречается преимущественно в любовных песнях, не раз печальных, но главным образом жизнеутверждающих, исполненных светлых надежд, к примеру, в таких песнях как «Акъ къююн» («Белый баранчик»), «Ялтанынь багъчасында» («В ялтинском саду»), «Дагъларынь ёллары» («Горные тропы»), «Айшем» («Моя Айше») [4, с. 65, 128–129, 130–131, 132]. В любом случае возглас «яр» акцентирует силу чувств, страсть и желание. Очевидно, неслучайно его совпадение с семантически емким словом «яр» («любимая», «любимый»), имеющим иранское происхождение и относящимся к тому ж семантическому гнезду, что и славянские слова «яровой», «ярый», «яростный»

[3, с. 156]. Интересно, что среди немногих песен, где любовные мотивы если и не совсем отсутствуют, то, по крайней мере, не являются ведущими, и где этот возглас все же весьма употребителен, встречаем песню с красноречивым названием «Баарь» («Весна») [4, с. 92; 1, с. 285]. Среди эмигрантских песен, где любовные мотивы преимущественно также не играют первостепенной роли, но все же возглас «яр» весьма существенен (причем во всех ее вариантах), можно назвать широко известную песню «Айтыр да агъларым» («Скажу и заплачу») [2, с. 31–40]. Здесь этот возглас, правда, сочетается с другим, образует вместе с ним, можно сказать, двуединое междометие «эй яр», которое важно в акцентировании характерной игривости ритма, а также содействует раскрытию глубокого драматизма этого фольклорного произведения.

Песня «Кетеджекмен джан достым» («Ухожу я, милый друг») редкостная среди эмигрантских, в частности тем, что здесь фигурирует самостоятельный возглас «яр». Вместе с тем она в этом смысле довольно типичная в большом ряду любовных песен, разве что принадлежит скорее к тем относительно немногим из них, где превалируют грустные интонации. И все же этот возглас здесь амбивалентен, в нем, можно сказать, «с грустью радость обнялась», он знаменует и силу тяжких переживаний по поводу разлуки, и силу любви и связанных с ней светлых надежд.

Лирической проникновенности, эмоциональности песенного изложения содействуют также характерные словесные повторы и созвучия. Выразительные признаки строфической анафоры наблюдаются в фигурировании вначале первых трех куплетов слова с корнем «кет», несущем в себе семантику движения, в частности ухода: *Кетеджекмен* (Я уйду)... – *Кетме, кетме* (Не уходи, не уходи)... – *Кетирынъиз* (Приведите)... Четвертый куплет начинается формулой прощания (*Савлыкъман къал* – Здоровым оставайся), которая, несколько измененная, перекликается с аналогичной формулой прощания из первого куплета (*Къал савлыкъман* – Оставайся здоровый). Такая инверсированная перекличка начала первого и последнего куплетов опять же усиливает отмеченную игривость песенного течения. Соответствует этой игривости переход упомянутой формулы прощания из первой строчки вначале песни во вторую строчку в последнем куплете. Так же как меняются местами слова в формуле прощания, меняются и места этой формулы, которая, теперь фигурирует во второй, а не в первой строке куплета, как раньше. Следовательно, анафорически окрашенное слово «*Кетеджекмен*» переходит с первой во вторую строку. Признаки анафоры в последнем куплете хотя и ослабевают, но не исчезают.

Вначале второго куплета экспрессивный повтор «кетме, кетме...» в какой-то степени продолжается в последующем слове «демеге», в центре

которого появляется отзвук существенного в содержании строки отрицательного суффикса «ме». Такой отзвук усиливается соседними для него гласными «е» этого так уместно использованного здесь слова, весьма своеобразного в своей звуковой организации. Выразительности звукового оформления поэтического текста способствует также появление в каждом куплете слов со звонко-тревожным звуком «дж». Во втором куплете этот звук появляется один раз, в третьем – дважды, а в первом и последнем – трижды. Принцип повторения, близкий к рондо, явственная переключка между первым и последним куплетами, в частности, звуковое усиление упомянутого дублирования формул прощания, прослеживается и в рисунке рифм. В первом и последнем куплетах рифма более пространная, она покрывает всю вторую и всю четвертую строку: *Къал савлыкъман, яр...– Ал джавлыкъман, яр; Кетеджекмен, яр...– Этеджекмен, яр*. В центральных куплетах рифма короче. К экспрессивным повторам можно отнести и мотив сдерживаемого плача, который переходит с первого куплета во второй.

Специфической чертой образной системы песни является не только апелляция к исламским религиозным представлениям, характерная для многих образцов крымскотатарского эмигрантского фольклора, но и обращение к более древним мифологическим мотивам. Примечательный в этом смысле образ фантастического крылатого коня (*дюльдюль*), с которым связаны мечты влюбленных о преодолении разлуки. Похожий образ, символизирующий в этом случае неосуществимость светлых надежд, образ райских птиц (*хума кушлар*) фигурирует в упомянутой песне «Ачыл, эй, омрюмнинъ вары» («Раскройся, эй, все, что в жизни есть у меня»). Интересно, что обе песни, где встречаются такие образы, принадлежат к образцам эмигрантской любовной лирики.

Песня «Кетеджекмен джан достым» очень грустная, но весь ее поэтический строй явственно направлен на преодоление отчаяния и безысходности, что обуславливает особое интонационное и образное богатство, особое эмоциональное воздействие этого незаурядного фольклорного произведения.

Понятное стремление придать звучанию песни более непосредственную жизнеутверждающую окраску, вероятно, вызвало появление ее продолжения. В варианте, представленном в сборнике Ф. Алиева, не четыре, а шесть куплетов. Два дополнительных куплета принадлежат тому участнику прощального диалога, который отправляется в путь. Вначале песни он призывал не плакать, вытирать слезы, а теперь сам, наверное, все же не сдерживается и говорит о плаче, но вопреки всему твердо обещает вернуться радостным и веселым:

Кетеджекмен кой ташлап,

Мемлекет ашып.
Мен д жыламай, кым д жылар,
Джурепы ташып.

Мен кетты деп каар этме,
Савлыгыын тылеп.
Кетсем, кене келырман
Ойнап эм кулып

(Уйду я, оставив село,
Родную страну.
Кому ж плакать, как не мне,
Когда переполнено сердце.

Не печалься, что я ухожу,
Прощаясь с тобой.
Уйду, но снова вернусь,
Танцуя и смеясь).

После очень печальной, но все же не безнадежной прощальной фразы о вверении любимого человека милости Господа продолжение лирического повествования и еще один финал кажутся не совсем органичными. О более позднем присоединении последних двух куплетов варианта, представленного в издании Ф. Алиева, может свидетельствовать отсутствие именно в этом пассаже весьма существенных в поэтической организации фольклорного произведения песенных возгласов «яр».

«Кетеджекмен джан достым» («Ухожу я, милый друг») – песня о печальном прощании двух влюбленных, вызванном вынужденным оставлением одним из них родной земли. Это песня диалогического характера, но реплики участников прощального диалога подаются нестандартно, не всегда можно четко определить, где именно заканчивается фраза одного из них и начинается речь другого. Это существенно усиливает присущую песне лирическую взволнованность. Характерная для эмигрантского фольклора эмоциональная интенсивность достигает здесь особого уровня также вследствие острого стремления субъектов лирического повествования к сдержанности в ее проявлении, они пытаются не только на людях, но и наедине не раскрывать до конца всю глубину своих переживаний, хотят подбодрить друг друга в надежде на помощь вышних сил. Наряду с исламскими религиозными

представлениями здесь появляется образ более древней мифологии – крылатый конь (*дюльдюль*), ассоциирующийся с их мечтами о преодолении разлуки.

Характерные словесные и звуковые повторы, переключки, в частности эффективное функционирование звучного песенного возгласа «яр», богатство рифм, которые в первом и четвертом куплетах покрывают целые строки, контрастный относительно драматизма ситуации легкий игривый ритм – все это подчеркивает психологическую проникновенность, тревожную экспрессивность, трепетную жизненную достоверность течения песни.

Библиографический список

1. Алиев Ф. М. Антология крымской народной музыки – Кырым халкъ музыкасынынъ антологиясы / Ф. М. Алиев. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое гос. изд-во, 2001. – 600 с.
2. Велиев А. Кырымтатар муаджир тюркюлери / Муэлиф ве тертип этиджилер Аблязиз Велиев, Сервер Какура. – Симферополь: Кырымдевокъувпеднешир, 2007. – 204 с.
3. Меметов А. Лексикология крымскотатарского языка / Айдер Меметов. – Симферополь : Крымчупедгиз, 2000. – 288 с.
4. Шерфединов Я. Звучит кайтарма – Янърай къайтарма / Ягъя Шерфединов. – Ташкент: Изд-во лит. и иск. им. Гафура Гуляма, 1979. – 332 с.

УДК 398.81(=517.145)

Левченко Г.Д. Монография об эмигрантской народной песне крымских татар

Monograph about emigrant folk song by Crimean Tatars

Рецензия на книгу: Гуменюк О. Айтыр да агъларым – Скажу та й заплачу. Кримськотатарська народна емігрантська пісня кінця XVIII – XIX століть: монографія. – К.: Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського НАН України, 2016. – 374 с.

Левченко Галина Дмитриевна
Доктор филологических наук, Житомирский государственный
университет имени Ивана Франко, Украина

Levchenko Halyna Dmytrivna

Doctor of philological sciences, Ivan Franko Zhitomir State University,
Ukraine

Ольга Николаевна Гуменюк известная в Крыму и за его пределами исследовательница крымскотатарского фольклора, прежде всего песенного. В 2010 году она защитила в Институте искусствоведения, фольклористики и этнологии имени М. Т. Рыльского Национальной академии наук Украины кандидатскую диссертацию о крымскотатарской народной любовной песне. Ее перу принадлежат монографии, предисловия к фольклорным изданиям, многочисленные статьи в научной периодике, посвященные фольклору крымских татар. Новая работа фольклористики «...Крымскотатарская народная эмигрантская песня конца XVIII – XIX столетий» – это первая обстоятельное исследование эмигрантской песенного фольклора крымских татар.

В монографии рассматривается один из самых примечательных и в то же время почти не исследованных жанрово-тематических циклов крымскотатарской фольклорной поэзии. Исследовательница проанализировала материал, представленный, прежде всего, в основательном фольклористическом труде поэта Аблязиза Велиева и композитора Сервера Какуры «Къырымтатар муаджир тюркюлери» («Крымскотатарская эмигрантская песня») (Симферополь, 2007). Используются сборники крымскотатарских народных песен, в которых в той или иной степени представлена эмигрантская тематика, – Алексея Олесницкого (1910), Ягъи Щерфединова (1931), Асана Рефатова (1932), Юсуфа Болат и Ибраима Бахшиша (1939), Февзи Алиева (2001), Ильяса Бахшиша (2004).

Ведя речь о жанрово-тематическом богатстве крымскотатарского песенного фольклора, О. Н. Гуменюк отмечает, что эмигрантские песни занимают в нем особое место. В них с документальной достоверностью отражены трагические страницы в жизни народа. И в то же время это изысканные, исполненные экспрессивной динамики и метафорической образности образцы фольклорного музыкально-поэтического искусства.

Особое внимание уделяется исследовательницей вопросам поэтики. Детально анализируя конкретные песни, О. Н. Гуменюк отмечает присущую им эмоциональную насыщенность, психологическую проникновенность. Эти качества достигаются, прежде всего, благодаря изысканной образной системе, в которой особую роль играет метафорический параллелизм, выразительная символика. Детально исследуются версификационные особенности песен – их ритмическая организация, богатые рифмы, аллитерации. Рассматривая прежде всего словесную поэтику песен, исследовательница, проявляя глубокий профессионализм, не оставляет без внимания и их музыкальную поэтику. Все

это помогает всесторонне и обстоятельно исследовать их жанрово-стилистические особенности.

Исследовательница раскрывает своеобразие и изысканность художественного мира крымскотатарской народной эмигрантской песни конца XVIII – XIX столетий и подчеркивает, что это в значительной степени обусловлено богатыми традициями национального фольклора. В этой связи детально рассматриваются его более древние жанры, прежде всего дестаны – эпические повествования, в которых особую роль играют мотивы далеких опасных странствий и связанных с ними нелегких испытаний. В этих фольклорных произведениях сочетаются стихи и проза. Однако, как подчеркивается в монографии, не только стихотворные, но и прозаические части этих эпических сказаний очень поэтичны, эти части органично дополняют одна другую, им присущи красноречивые метафоры, емкие символические образы, поэтические параллели, контрастные противопоставления. Не только в стихотворных, но и в прозаических текстах не раз встречаем своеобразную ритмическую организацию, звукопись, игру слов, афористические выражения. Все эти традиции развиваются в песенном, в том числе и эмигрантском фольклоре последующего времени.

Обращаясь к классификации В. М. Жирмунского, О. Н. Гуменюк отмечает, что крымскотатарские дестаны, как и аналогичные сказания других тюркских народов, можно отнести к двум основным разделам. Их первая группа связана с художественным постижением социально-исторических процессов. Вторая группа – это, прежде всего, любовные истории. В монографии детально рассматриваются образцы как первой группы (особенно много внимания уделяется сказанию «Чора-батыр»), так и второй. Подчеркивается, что в обеих группах преобладают героические мотивы, связанные с дальними странствованиями и преодолениями немыслимых трудностей. Не в одном из них, как, например в дестане «Ашык Гарип», трогательно звучит тема разлуки с родной землей, с близкими людьми.

В монографии много места уделяется эпическим жанрам, прежде всего дестанам, как предшественникам эмигрантской песни. При этом О. Н. Гуменюк отмечает, что наиболее распространенные в эмигрантском песенном фольклоре, а том числе и крымскотатарском, лирические жанры. В связи с этим было бы резонно включить соответствующую главу в монографию. Можно возразить, что в предыдущих монографиях фольклористики детально рассмотрены лирические жанры, в том числе и такой старинный как макам. Но все же там не акцентируется связь этих жанров с эмигрантским песенным фольклором.

В книге предпринята довольно успешная попытка осуществить внутреннюю классификацию крымскотатарской переселенческой песни

соответствующего периода, что обуславливает структуру самой обширной главы монографии – «Художественный мир фольклорной эмигрантской лирики крымских татар конца XVIII – XIX столетий» [с. 101–238]. Выделяется цикл наиболее ранних песен, относящихся преимущественно к концу XVIII – первой половине XIX столетий. Здесь весьма существенную роль играют религиозные мотивы. Эти песни можно объединить также ввиду общей для них строфической формы. В них фигурируют катрены, в которых первые три строки скреплены общей тройной рифмой, а четвертая строка остается нерифмованной, при этом, тождественная во все куплеты, она приобретает характер рефрена.

К этим фольклорным произведениям примыкает также довольно старинная и едва ли не наиболее распространенная песня «Айтыр да агъларым» («Скажу да заплачу»). Она характеризуется особой эпичной панорамностью (в частности, благодаря полифоническому сочетанию разных мотивов), а также нестандартной строфической формой, в которой существенную роль играют песенные возгласы, акцентирующие стихотворный и музыкальный ритм. Вот как раскрывается своеобразие этой песни в монографии: «Привлекает внимание звуковая организация вынесенной в заглавие рефренной строки. Она напоминает короткий пронзительный возглас. Примечательна здесь усилительная частица «да», которая сообщает особую упругость выражению и разделяет его на две части – на констатацию сдерживания плача во время горьких слов и собственно плача, который никак сдержать не удастся. Усилительную частицу «да» в выражении «Айтыр да агъларым» можно считать, так сказать, частицей среди частицы, точнее возгласом среди возгласа, ибо и сама рефренная строка исполняет такую же усилительную роль между другими песенными строками. Лаконичная, звуково организованная, как возглас, рефренная строка в свою очередь предстает неким отзвуком и в том же время усилением, нарастанием предыдущего горестного возгласа «эй яр», который так же, как и частица «да», а в итоге и сама эта строка, разделяет отдельные фразы и регулярно повторяется на протяжении всего течения песни. Такая нестандартная стихотворная форма эффектно акцентирует интонационные, образные, повествовательные штрихи, в сочетании которых предстает разительная картина человеческих бедствий. Каждая фраза в обрамлении такой системы возгласов приобретает особую весомость, которая в свою очередь умножается в соседстве и перекличке с другими соответственно оформленными фразами» [с.143].

Весьма популярны в крымскотатарском фольклоре, в том числе и эмигрантском, лаконичные и емкие песенные миниатюры, в которых преобладают мотивы прощания и разлуки с близкими людьми – с родителями,

любимой девушкой, друзьями. Отдельно рассматриваются в книге песни, в которых особенно явственны социально-бытовые реалии. Эти реалии преимущественно приобретают символические черты. Основной в этих песнях – мотив тревожного морского пути, ассоциирующийся с чем-то наподобие злого рока, горькой судьбы, неотвратимых бедствий. Эти песни возникли не раньше середины XIX века, о чем свидетельствуют фигурирующие в них реалии, в частности присутствующий почти в каждой из них образ парохода.

Присущие лирике ведущие тематические мотивы приобретают своеобразную концентрацию в пространном поэтическом сказании «Къырым дестаны» («Крымский дестан»). Этому фольклорному произведению посвящена отдельная глава монографии. Как подчеркивает О. Н. Гуменюк, эпическая монументальность достигает здесь особого уровня, приобретает жанровую, а не только стилевую определенность. Но при этом в монографии утверждается, что лиризм все же является весьма существенной, хоть и не навязчивой, тактично проявляющейся чертой сказания. Это связано, в частности, с тем, что «я» повествователя, чей образ здесь весьма важен, непосредственно заявляется крайне редко. Повествователь преимущественно не отделяет себя от собратьев, о несчастье которых идет речь в сказании. Поэтому вместо «я», отмечает исследовательница, здесь превалирует более широкое, более панорамное «мы». Голос повествователя как бы сливается с голосом народа. «Особую привлекательность дестану, – подчеркивается в исследовании, – придает его образная поэтическая речь, не только метафорически живописная, риторически проникновенная, афористически упругая, но и ритмически ограниченная, звуково инструментированная. Музыкальность стихотворного текста проявляется, в частности в его интонационном богатстве (от отчаяния и возмущения до стоической сдержанности и рассудительной медитативности)» [с. 282].

В выводах исследования акцентируются такие ведущие особенности крымскотатарской фольклорной эмигрантской лирики и эпики конца XVIII – XIX веков: тематический и интонационный полифонизм, взаимодействие эмоциональной интенсивности и рассудительных размышлений, часто апеллирующих к вышним силам, жанрово-родовой синкретизм, гармоническое сочетание социально-исторической достоверности, бытовой конкретики и изысканной поэтичности (живописная метафоричность, красноречивая символика, афористичность, риторическая выразительность), версификационное многообразие, в частности контрастное соединение легких игривых ритмов с печальным настроением, своеобразная музыкальность не только музыкальных, но и литературных текстов.

Рецензовувана монографія, без сумніву, є вагомим внеском в сучасну фольклористику.

Бібліографічний список

1. Алієв Ф.М. Антологія кримської народної музики – Крим халкъ музыкасынынъ антологиясы / Ф.М. Алієв. – Симферополь: Кримське навчально-педагогічне гос. изд-во, 2001. – 600 с.

2. Бахшыш Ил Къырымтатар халкъ йырлары / Тертип этиджи Ильяс Бахшыш. – Симферополь: Къырым девлет окув-педагогика нешрияти, 2004. – 384 с.

3. Болат Юс. Кърым татар йырлары / Юсуф Болат, Ибраим Бахшыш. – Къырым АССР девлет нешритты, 1939. – 150 с.

4. Велиев А. Къырымтатар муаджир тюркюлери / Муэлиф ве тертип этиджилер Аблязиз Велиев, Сервер Какура. – Симферополь: Къырымдевокъувпеднешир, 2007. – 204 с.

4. Гуменюк О. Меджбур олдым мен бир гуле – Взяла у бран мене троянда: Поетичний світ фольклорного пісенного жанру – макаму : наукове дослідження / Ольга Гуменюк. – Сімферополь: Світ, 2008. – 152 с. / Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, Кримський інженерно-педагогічний університет.

5. Гуменюк О. Учъ къаранфиль – Три гвоздики. Журливі мотиви в кримськотатарській народній пісні кохання : монографічне дослідження / Ольга Гуменюк. – Сімферополь: Кримнавчпедвидав, 2011. – 120 с. / Кримський інженерно-педагогічний університет.

6. Гуменюк О. Увада учан телли турна – В небі лине ключ журавлів. Художнє осягнення драматизму любовних стосунків у кримськотатарській народній пісні : монографічне дослідження / Ольга Гуменюк. – Сімферополь : Кримнавчпеддержвидав, 2012. – 176 с. / Кримський інженерно-педагогічний університет.

7. Гуменюк О. Нане сувы ичерим – Вип'ю м'ятної води. Пісні щасливого кохання в кримськотатарському фольклорі : монографічне дослідження / Ольга Гуменюк. – Сімферополь : Кримнавчпеддержвидав, 2014. – 208 с. / Кримський інженерно-педагогічний університет.

8. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос / В. М. Жирмунский. – Ленинград : Наука, 1974. – 728 с.

9. Олесницкий А. Песни крымских турок / Алексей Олесницкий / Под ред. Вл. А. Гордлевского. – М., 1910. – XII (предисловие) + 160 с. / Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. Выпуск 32.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'42

Гаджикеримова Э.Г. Лингвокультураны в описании городского ландшафта (на материале романа А. Стендаля «Le rouge et le noir»)

Linguoculture in the description of the urban landscape (in A. Stendhal's novel "The red and the black")

Гаджикеримова Эльмира Гаджикеримовна

соискатель

Белгородский государственный университет

РФ, г.Белгород

elmiragadjikerimova@mail.ru

Gadzhikerimova Elmira Gadzhikerimovna

applicant

Belgorod National Research University

Russia, Belgorod

Аннотация. В статье исследуется структура романа А. Стендаля «Le rouge et le noir». Выявляются особенности лингвокультурем в описании городского ландшафта, определяется частотность лингвокультурем.

Ключевые слова: лингвокультурология, межкультурная коммуникация, художественный текст, лингвокультурема.

Abstract. The article deals with the structure of novel «The Red and the Black» by A. Stendhal. The specificities of textual linguo-culturemes represented the urban landscape is identified. The density of linguo-culturemes is noted.

Keywords: cultural linguistics, intercultural communication, literary text, linguocultureme.

В настоящее время одним из значимых направлений языкознания является лингвокультурология. В.В. Воробьев рассматривает под лингвокультурологией научную дисциплину синтезирующего типа, в которой доминирующим является целостное теоретико-описательное исследование объектов как функционирующей системы культурных ценностей, отражаемых

в языке, контрастивный анализ лингвокультурологических сфер разных языков (народов) на основе теории лингвистической относительности концепции, согласно которой структура языка и системная семантика его единиц коррелируют со структурой мышления и способом познания внешнего мира у того или иного народа [2, с. 4], когда как Н.Ф.Алефиренко понимает под лингвокультурологией – научную дисциплину, предметом изучения которой является репрезентация в языке фактов культуры, своеобразным продуктом которой является так называемая лингвокультура [1, с. 14].

Одним из форматов представлений знаков лингвокультуры является текст. В последнее время очень актуальной является проблема переосмысления и уточнения представлений о языке в связи с анализом его функционирования, в частности функционирования в виде текста.

По мнению Гальперина, «текст-это произведение речетворческого процесса, обладающее завершённостью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовков) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определённую целенаправленность и прагматическую установку [4, с. 18]».

Мы понимаем под текстом ряд предложений, объединённых разными типами грамматической, логической и лексической связей.

В области текста работали следующие исследователи: Г.В. Колшанский, И.Р. Гальперин, Л.Н. Мурзин, Л.М. Лосева и другие.

Представляется интересным рассмотреть лингвокультуремы в структуре текста. Этот термин рассматривался в работах таких ученых, как: Ю.С. Степанова, В.Н. Телии, В.В. Воробьева и др. В.В. Воробьёв отмечал, что «лингвокультурема включает в себя сегменты не только языка (языкового значения), но и культуры (внеязыкового культурного смысла), репрезентируемые соответствующим знаком» [2, с. 44-45].

Существуют различные классификации лингвокультурем, например, классификации С. И. Влахова и В. С. Флорина, А. Е. Супруна и др.

Лингвокультурема состоит из трех компонентов и один из них - реалия. Например, С. И. Влахов и В. С. Флорин обосновали следующую классификацию реалий:

- 1) Географические реалии;
- 2) Этнографические реалии;
- 3) Общественно - политические реалии;
- 4) Военные реалии [3, с. 51-56].

Наши исследования основываются на классификации реалий, представленных в монографии С.А. Моисеевой и Е.А. Огневой «Художественный текст как объект межкультурной адаптации»:

- реалии традиционного быта;
- реалии религиозной культуры;
- общественно-политические и исторические реалии;
- географические и административно-территориальные реалии [5, с. 34].

Подчеркнём тот факт, что, когда речь идёт об исследовании концептосферы языка, мы применяем термин «культурема», тогда как при исследовании архитектоники концептосферы художественного текста, а именно номинативных полей художественных концептов, входящих в состав рассматриваемой концептосферы, мы применяем понятие «лингвокультурема» [6, с. 4].

Рассмотрим географические, административно-территориальные, исторические и реалии традиционного быта, как компоненты лингвокультуры в известном произведении А. Стендаля «Le rouge et le noir» («Красное и черное»).

Нами был изучен следующий контекст, в котором представлен городской ландшафт 19 века:

Ne vous attendez point à trouver en France ces jardins pittoresques qui entourent les villes manufacturières de l'Allemagne, Leipsick, Francfort, Nuremberg, etc. En Franche-Comté, plus on bâtit de murs, plus on hérissé sa propriété de pierres rangées les unes au-dessus des autres, plus on acquiert de droits aux respects de ses voisins. Les jardins de M. de Rênal, remplis de murs, sont encore admirés parce qu'il a acheté, au poids de l'or, certains petits morceaux de terrain qu'ils occupent. Par exemple, cette scie à bois, dont la position singulière sur la rive du Doubs vous a frappé en entrant à Verrières, et où vous avez remarqué le nom de Sorel, écrit en caractères gigantesques sur une planche qui domine le toit, elle occupait, il y a six ans, l'espace sur lequel on élève en ce moment le mur de la quatrième terrasse des jardins de M. de Rênal [7, с.7].

В вышепредставленном контексте было обнаружено несколько лингвокультурем:

- традиционного быта;
- историческая;
- административно- территориальная.

Например, в следующем предложении мы выделили контекстуальное сочетание трех лингвокультурем: *Ne vous attendez point à trouver en France ces jardins pittoresques qui entourent les villes manufacturières de l'Allemagne, Leipsick, Francfort, Nuremberg, etc [Stendahl. Le rouge et le noir] - Не ждите*

найти во Франции эти живописные сады, которые окружают промышленные города Германии - Лейпциг, Франкфурт, Нюрнберг и другие (перевод автора: Э.Г.).

1) лингвокультурема традиционного быта- *ces jardins pittoresques* (живописные сады);

2) историческая лингвокультурема - *les villes manufacturières* (промышленные города);

3) административно- территориальная лингвокультурема - *France, l'Allemagne, Leipsick, Francfort, Nuremberg* (Франция, Германия, Лейпциг, Франкфурт, Нюрнберг).

Можно отметить, что в составе второго предложения также есть языковые единицы, вербализующие реалии: *En Franche-Comté, plus on bâtit de murs, plus on hérisse sa propriété de pierres rangées les unes au-dessus des autres, plus on acquiert de droits aux respects de ses voisins* [Stendahl. Le rouge et le noir] - Во Франи-Конте чем больше выстроено стен, тем больше в собственности остроконечных камней рядами друг над другом, тем больше вы приобретаете прав на уважение своих соседей (перевод автора: Э.Г.).

Было выявлено две реалии:

1) административно - территориальная реальия - *Franche-Comté* (Франи - Конт);

2) реальия традиционного быта - *on hérisse sa propriété de pierres rangées* (в его собственности остроконечные камни рядами).

В составе третьего предложения была выявлена только одна лингвокультурема традиционного быта: *les jardins de M. de Rénal, remplis de murs* (сады господина де Реналья, наряду со стенами).

В последнем предложении контекста мы выделили также одну лингвокультурему традиционного быта: *cette scie à bois, dont la position singulière sur la rive du Doubs* (эта лесопилка, которая находится обособленно на берегу реки Ду).

Таким образом, анализ контекста из романа А. Стендаля «Le rouge et le noir», описывающего городской ландшафт Верьера, показал высокую частотность лингвокультурем. Из семи выявленных лингвокультурем контекста, четыре лингвокультуреми традиционного быта, которые наглядно иллюстрирует быт жителей города Верьер.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно - смысловое пространство языка: учебное пособие. – М.: Изд-во Флинта, 2010. – 288 с.

2. Воробьев В.В. Лингвокультурология : учеб. пособие. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 332 с.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980. – 351с.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 140 с.
5. Моисеева С.А., Огнева Е.А. Художественный текст как объект межкультурной адаптации: монография, 3-е изд. доп. – М.: Эдитус, 2013. – 192с.
6. Огнева Е.А. Алгоритм построения когнитивной текстовой социокультурной модели // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – 2016. – № 11.

Источники фактического материала:

7. Stendhal. Le rouge et le noir. – М.: Posket, 1998. – 618с.

УДК 81:3 9

**Куценко А.А. Реконструкция исторических событий
Эдвардианской эпохи в дискурсе телеформата**

Edwardian Historical Events Reconstruction in TV-Format Discourse

Куценко Алина Александровна

Белгородский Государственный Национальный Исследовательский
университет, г. Белгород
alinaconfiture@gmail.com

Kutsenko Alina Alexandrovna

Belgorod National Research University, Belgorod

Аннотация. В статье рассматривается связь двух лингвистических наук: лингвокультурологии и дискурсологии, приводятся различные определения этих терминов. Даются определения дискурса телеформата и кинодискурса, как разновидностей дискурса. Выявляется наличие трехкомпонентной структуры дискурса телеформата, особенности экстралингвистического фона, как одного из компонентов. Изучается роль лингвистической и экстралингвистической информации в реконструкции исторических событий Эдвардианской эпохи: гибель Титаника, Первая Мировая Война: битва на Сомме и эпидемия испанского гриппа, а также степень точности реконструкции этих событий.

Ключевые слова: дискурс, кинодискурс, дискурс телеформата, реконструкция исторических событий, Эдвардианская эпоха, «Аббатство

Даунтон».

Abstract. The article discusses the connection between the two linguistic sciences: cultural linguistics and discourse study, gives different definitions of those terms. We give a definition of TV-format discourse and movie-discourse as varieties of discourse. It reveals the presence of a three-component structure of TV-format discourse, especially extra-linguistic background as one of its components. We study the role of linguistic and extra-linguistic information in the Edwardian historical events reconstruction: the loss of Titanic, First World War: the Battle of the Somme and the Spanish flu epidemic, as well as the degree of this events reconstruction accuracy.

Keywords: discourse, movie-discourse, TV-format discourse, historical events reconstruction, Edwardian Era, 'Downton Abbey'.

Среди самых таинственных и в то же время актуальных и значимых объектов изучения является культурное прошлое человечества. Нам интересно, как жили люди сто, двести, триста лет назад, каковы были их обычаи и традиции, что наши предки ели и пили, какие события происходили в их жизни и к чему они привели и т.д. Одной из междисциплинарных наук, изучающей культурное историческое прошлое человечества является лингвокультурология. Как продукт антропологической парадигмы в лингвистике, она возникла на стыке двух широких научных дисциплин – языкознания и культурологии. Основным объектом лингвокультурологии один из основоположников данной науки, российский ученый-лингвист В.В. Воробьев называет «взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе его функционирования и изучение интерпретации этого взаимодействия в единой системной целостности», а предметом данной дисциплины, по его мнению, являются «национальные формы бытия общества, воспроизводимые в системе языковой коммуникации и основанные на его культурных ценностях» [2, с. 37], – всё то, что составляет «языковую картину мира» [2, с. 32]. Изучение истории и культуры тесно связывает лингвокультурологию с дискурсологией, объектом которой является дискурс. Е.А. Огнева рассматривает дискурс в виде «комплексной матричной социомодели, изучение которой находится на стыке трёх научных сфер: лингвокультурологии, лингвокогнитивистики и социолингвистики» [8, с. 569]. Еще одним из наиболее полных на наш взгляд является определение, данное другим отечественным лингвистом Н.Ф. Алефиренко, который под дискурсом понимает «прежде всего, не речь и не совокупность произведенных кем-либо текстов одной стилевой архитектоники, а сложное коммуникативно-когнитивное событие. Опорным здесь является слово событие – не явление, факт, случай или эпизод, а некий личностный конструкт – идея или мыслительная конфигурация сценария воспринимаемого объекта» [1, с. 6]. И далее: «хотя дискурс и живёт в тексте, он кроме текста в свой состав включает различные экстралингвистические факторы, порождающие его смысловое содержание». [1, с. 6]. Изучение дискурса – симбиоза лингвистической и экстралингвистической информации в

художественных произведениях, исторических справках и словарях, литературных памятниках и в устном народном творчестве – один из наиболее значимых способов изучения культурного исторического прошлого человечества. Еще одним способом является изучение дискурса исторических фильмов и телесериалов. На наш взгляд, дискурс телеформата представляет научный интерес с точки зрения лингвокультурологии, поскольку он имеет как лингвистическую составляющую, так и экстралингвистический фон, который тесно связан с культурой. Под экстралингвистическим фоном телеформата нами понимается «совокупность экстралингвистических факторов, сопровождающих эксплицированную информацию телересурса, необходимую для понимания общей сюжетной канвы экранизированного материала, и формирующую в сочетании с речевыми актами когнитивно-дискурсивное единство телеформата» [6, с. 155]. При этом, телеформат представляет собой экранизированную реальность, ее иной формат, авторское видение событий. Иными словами, это исследовательский конструкт, представляющий собой совокупность вербализованной в фильме информации, образующий целостный когнитивный телересурс, как озвученный, так и виде субтитров. Дискурс телеформата также можно интерпретировать как кинодискурс. Среди работ, посвященных кинодискурсу с точки зрения лингвистики, наиболее интересны исследования А.Н. Зарецкой, С.С. Назмутдиновой, Е.Б. Ивановой, И.Н. Лавриненко, М.А. Ефремовой, Г.Г. Слышкина и др.

А.Н. Зарецкая определяет кинодискурс как «связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, в совокупности с невербальными компонентами – аудиовизуальным рядом этого фильма и другими значимыми для смысловой завершенности фильма экстралингвистическими факторами, т. е. креолизованное образование, обладающее свойствами целостности, связности, информативности, коммуникативно-прагматической направленности, медийности и созданное коллективно дифференцированным автором для просмотра реципиентом сообщения (кинозрителем)» [4, с. 32].

С.С. Назмутдинова понимает под кинодискурсом «семиотически осложненный динамичный процесс взаимодействия автора и кинореципиента, протекающий в межъязыковом и межкультурном пространстве с помощью средств киноязыка, обладающего свойствами синтаксичности, вербально-визуальной сцепленности элементов, интертекстуальности, множественности адресанта, контекстуальности значения, иконической точности, синтетичности» [7, с. 7]. Некоторые исследователи разделяют кинодискурс на дискурс «художественного (игрового) и нехудожественного (документального) кино» [3, с. 523].

На наш взгляд, интерес представляет изучение и выявление особенностей кинодискурса, или дискурса телеформата исторических телесериалов, стоящих на стыке документального и художественного жанров. С одной стороны, в них реконструируются исторические события, а с другой, факты дополняются образами вымышленных персонажей и окружающей их обстановки. Реконструкция в дискурсе телеформата того или иного произведения кинематографа, по нашему мнению, представляет собой наиболее точное и

полное воспроизведение авторами реальности: исторической эпохи, манеры общения, традиций, обстановки, образов героев и т.д. при помощи акустических и визуальных каналов передачи информации. Одним из современных исторических телесериалов, в котором, на наш взгляд, реконструкция выполнена на высоком уровне, является Британский исторический телесериал 'Downton Abbey' («Аббатство Даунтон» 2010-2016 гг.), действия в котором разворачиваются на фоне событий начала XX века – Эдвардианской эпохи. В одном из описаний сериала находим следующую информацию: «Создатели фильма виртуозно воспроизвели эпоху и ее реалии, не забыв уделить внимание даже самым мелким деталям. Были подробно изучены дневники, мемуары и всевозможные описания быта начала XX века, а некоторые эпизоды были основаны на реальных событиях» [10]. В нашем исследовании представляется интересным изучить особенности реконструкции исторических событий в дискурсе телеформата сериала «Аббатство Даунтон». Объектом нашего исследования послужил дискурс телеформата нескольких эпизодов сериала, имеющий трехкомпонентную структуру, «включающую коммуникативные импульсы, коммуникантов, а также экстралингвистическую информацию – звуковое и видео сопровождение» [5, с. 54]. Особенно важную роль в нашем исследовании играет экстралингвистическая информация – исторические факты, упоминания о них в дискурсе персонажей, а также время и места, в которых происходят коммуникативные акты и, таким образом, степень точности реконструкции исторических событий в изучаемом дискурсе телеформата.

Действия в одном из эпизодов телесериала 'Downton Abbey' происходят в апреле 1912 года. Накануне ночью столкнулся с айсбергом и затонул легендарный пароход «Титаник». Нами выявлено упоминание этой катастрофы в дискурсе нескольких персонажей телесериала, среди которых граф Грэнтем – отец семейства Кроули и хозяин богатого поместья на севере Англии, а также дворецкий мистер Карсон – старший слуга в доме. Коммуникативный акт происходит утром 15 апреля 1912 года, когда во время завтрака граф разворачивает свежую газету с крупным заголовком о гибели «Титаника». Проиллюстрируем вышесказанное на следующем примере:

Пример 1.

Earl of Grantham: *Good morning, Carson.*

Mr. Carson: *Good morning, my Lord.*

Earl of Grantham: *Is it true what they say?*

Mr. Carson: *I believe so, my Lord.*

Earl of Grantham: *I'm afraid we'll know some people on it. I don't suppose there are any lists of survivors yet?*

Mr. Carson: *I understand most of the ladies were taken off in time.*

Earl of Grantham: *You mean the ladies in first class? God help the poor devils below decks on their way to a better life* [13].

В исследуемом дискурсе нами выявлено наличие фразем, указывающих на происшествие (*people on it, lists of survivors, most of the ladies were taken off, ladies in first class, poor devils below decks*), об исторической справедливости

говорит наличие фразем *most of the ladies were taken off* и *ladies in first class*, поскольку действительно, согласно источникам, большинство дам, путешествующих первым классом на Титанике, были спасены. Интересно то, что само название затонувшего судна не упоминается. Вероятнее всего, это связано с одним из суеверий: не поминать лиха. Поэтому, вместо 'Titanic' коммуниканты называют корабль безлично *it*. Что касается экстралингвистического фона, то о произошедшем событии зрителю сообщается по средствам визуального канала передачи информации: время (утро 15 апреля 1912 года) и наличие в кадре реально существовавшей газеты *The Times* с заголовком 'Titanic Sank' и фотографией парохода. На наш взгляд, реконструкция исторического события «Гибель Титаника» в дискурсе телеформата сериала «Аббатство Даунтон» выполнена с высокой точностью.

Вслед за гибелью «Титаника» произошло другое событие – в июле 1914 года началась Первая Мировая война. Этому событию в сериале отведено особое место, ему посвящено десять эпизодов, в которых появляются новые персонажи, а некоторые, из хорошо знакомых зрителю, умирают. На протяжении всего сезона, посвященного Первой Мировой войне, реконструируются значимые исторические события, а также фронт и тыл – основные места действий военного времени. Среди таких значимых событий – реконструкция Битвы на реке Сомме (ноябрь 1916 года), с которой начинается один из эпизодов. Перед зрителем открывается картина фронта: грязь, окопы, взрывы, раненые и бегущие куда-то солдаты. Один из коммуникативных актов происходит как раз на фоне этой картины: Мэтью Кроули, наследник поместья Даунтон, будущий граф Грэнтем, а теперь офицер Британской армии, с раненым солдатом на руках спешит в окоп, чтобы спасти несчастного и самому укрыться от пуль и снарядов. При этом происходит следующий диалог:

Пример 2.

Matthew Crawley: *Sergeant Stephens.*

Sergeant Stephens: *Yes, sir.*

Matthew Crawley: *I want every wounded man taken down the line before it starts to get dark. We've bloody well lost enough of them for one day [12].*

Фраземы «*wounded man*», «*taken down the line*» и «*lost enough of them*» репрезентируют проявление заботы офицера армии Мэтью Кроули о своих однополчанах, пострадавших во время битвы на Сомме. Выявленная нами хронема «*for one day*» демонстрирует историческую справедливость дискурса: согласно источникам, в ходе этого одного из самых кровопролитных в истории человечества сражений «в первый же день британцы потеряли 21 тысячу солдат убитыми и пропавшими без вести и более 35 тысяч ранеными» [9].

Экстралингвистическую информацию в дискурсе данного реконструируемого исторического события составляют образы военной обстановки: солдат, раненых, грязи и окопов, а также аудио эффекты – взрывы, шум, крики. На наш взгляд, рассматриваемый дискурс телеформата соответствует времени и месту, таким образом, реконструкция исторического события «Первая Мировая война: Битва на Сомме» в дискурсе телеформата сериала «Аббатство Даунтон» выполнена с высокой точностью.

Первая Мировая Война закончилась в ноябре 1918 года, однако, празднование победы над Германией омрачило печальное событие – разразилась страшная эпидемия гриппа, который потом назовут испанским. По некоторым данным, «в 1918-1919 годах (18 месяцев) во всем мире от испанки умерло приблизительно 50-100 млн человек или 2,7-5,3 % населения Земли. Было заражено около 550 млн человек, или 29,5 % населения планеты» [11].

В дискурсе телеформата сериала «Аббатство Даунтон» нами была выявлена реконструкция этого исторического события. Действия в одном из эпизодов происходят в апреле 1919 года, когда эпидемия испанского гриппа распространилась на север Англии. В поместье Даунтон уже заболели несколько человек: графиня и трое слуг, включая главного – дворецкого мистера Карсона. Теперь прислуживать за столом во время ужина приходится женской половине прислуги, что в обычное время считалось недопустимым. Проведенный нами анализ дискурса показал, что информационная часть представлена полилогом с несколькими участниками-коммуникантами: вдовствующая графиня Вайолет, граф Грэнтем и его дочери – леди Мэри, леди Эдит и леди Сибил, наследник поместья и будущий граф Грэнтем Мэтью Кроули сматерью Изабэл и невестой мисс Свайр. Основная тема полилога – «испанка», историческое событие, реконструированное в дискурсе телеформата данного сериала. Приведем пример.

Пример 3.

Earl of Grantham: *Spanish flu has found its way to Yorkshire.*

Lady Sybil: *And to Downton. Dr Clarkson says he's got ten cases.*

Earl of Grantham: *I thought Mosley had joined the Temperance League.*

Anna, the housemaid: *I'm afraid he's been taken ill, My Lord. I'm sorry.*

Earl of Grantham: *Mosley, too? Good heavens. Everyone's falling like ninepins.*

Lady Mary: *Lavinia?*

Lavinia Swire: *Do you know, I'm not at all well, either. I wonder if I could lie down for a minute?*

Lady Mary: *Of course. Come to my room [14].*

Нами были выявлены следующие фраземы, репрезентирующие историческое событие «Эпидемия испанского гриппа»: *Spanish flu, he's been taken ill, falling like ninepins, I'm not at all well*, в совокупности с окружающей обстановкой в эпизоде (горничная прислуживает во время ужина, не хватает нескольких персонажей, напряженная и сдержанная беседа и т.д.) они составляют экстралингвистический фон дискурса телеформата. События, развивающиеся в сериале, а также его дискурс соответствуют историческим фактам, это вновь доказывает высокую точность реконструкции.

Таким образом, нами был исследован дискурс телеформата Британского телесериала 'Downton Abbey', и выявлены его особенности, одной из которых являются многочисленные реконструкции исторических событий. Нами были рассмотрены и изучены три из них: (1) «Гибель Титаника», апрель 1912 г., (2) «Первая Мировая Война: битва на Сомме», 1914-1918 гг. и (3) «Эпидемия испанского гриппа», 1919 г. Эти события отражены в трехкомпонентной

структуре дискурса телеформата нескольких эпизодов данного сериала, в особенности они представлены таким компонентом, как экстралингвистический фон. Выявленные нами составляющие экстралингвистического фона и информационной части полностью соответствуют историческим фактам, что выводит реконструкцию исторических событий в дискурсе телеформата рассматриваемого нами телесериала на высокий уровень.

Библиографический список

1. Алефиренко, Н.Ф. Дискурс в свете нейрокогнитивистики / Н.Ф. Алефиренко // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. № 7 (228) – Белгород: НИУ «БелГУ», 2016. – С. 5-12.
2. Воробьев В.В. Лингвокультурология. – М.: Издательство РУДН, 2006. – 331 с.
3. Давыдова М.М. Документальный фильм через призму категорий кинодискурса. // Гуманитарные и социальные науки: актуальные проблемы современной лингвистики. – Ростов-на-Дону, 2014. – С. 523-526.
4. Зарецкая, А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе. – Челябинск: Абрис, 2012. – 192 с.
5. Куценко А.А. Реконструкция Эдвардианской эпохи в трехкомпонентной модели теледискурса. // Лингвистические горизонты. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ БелГУ, 2016. – С. 53-58
6. Куценко А.А. Репрезентация языковой личности Эдвардианской эпохи (на примере британского исторического телесериала «Аббатство Даунтон») // Язык и личность: различные аспекты исследования. – Саратов, 2014. – С. 154-162.
7. Назмутдинова, С. С. Гармония как переводческая категория (на материале русского, английского, французского кинодискурса). – Тверь, 2008. – 18 с.
8. Огнева Е.А. Трансформация дискурсивной модели социума: проблемы и перспективы // Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления. – Воронеж: ООО «ПТ», 2015. – С. 569-573.

Интернет-документы:

9. Битва на Сомме. [электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Битва_на_Сомме
10. Британские сериалы: «Аббатство Даунтон» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.anglomania.org/2012/09/downton-abbey.html>
11. Испанский грипп [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Испанский_грипп

Источники фактического материала:

12. Download Downton Abbey 2x01 subtitles. [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.tvsubtitles.net/subtitle-79882.html>
13. Downton Abbey (2010) – S01E01 – English subtitles [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.podnapisi.net/downton-abbey-2010->

subtitles-p908948

14. Downton Abbey 2x08. [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.tvsubtitles.net/episode-35377.html>

УДК 82

Никулина Д.Е. Определение лингвистического понятия иронии

Linguistic definition of an irony concept

Никулина Дарья Евгеньевна

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород
nikulina_d@bsu.edu.ru

Nikulina Daria Evgenievna

Belgorod State National Research University, Belgorod

Аннотация: В статье рассматриваются общие определения лингвистического понятия иронии, а также её виды. Основной целью является раскрытие механизмов создания иронии и классификации видов её выражения. Лингвистические исследования показывают, что ирония имеет различные диапазоны употребления и способность переосмысления терминологического значения. Сложность и многогранность явления иронии определяется последовательным развитием от «притворства», через риторическое толкование, прием смеховой критики, демонстрирует многократную апелляцию к пониманию иронии как жизненной позиции и эстетического отношения к действительности.

Ключевые слова: ирония, лингвистика, виды иронии.

Abstract: In article considered the general definitions of a linguistic concept of irony, and also its types. The main purpose of work is disclosure of mechanisms of creation irony and classification its types and expressions. Linguistic researches show that the irony has various ranges of use and ability of reconsideration of terminological value. Complexity and versatility of the phenomenon of irony is defined by consecutive development of "pretense", by rhetorical interpretation, reception of humorous criticism, and shows the repeated appeal to understanding of irony as living position and esthetic attitude towards reality.

Keywords: irony, linguistics, types of irony.

В западной лингвистической науке, как и в отечественной, проблема соотношения языка и сознания устанавливает диалогическую природу иронии и анализирует отношения между сознанием автора и адресатом, а также является предметом изучения иронического высказывания во многих направлениях теории языка. Используемые в ней принципы интеллектуализма и антропоцентризма соотносятся с классическими подходами В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, Г.Г. Шпета, развиваемыми Н.Д. Арутюновой, Ю.Н. Карауловым, Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелевым, А.А. Леонтьевым, Д.А. Леонтьевым, другими современными лингвистами. При этом исследователи опираются на различные трактовки сознания. Слово «сознание» стало употребительным с XVIII века; оно объединяет всю совокупность полученных самим человеком, а также унаследованных им опыта и знаний. Сознание является отличительной чертой отношения человека к окружающему миру и к себе: сознательное отношение - одно из развившихся процессе эволюции свойств человека как мыслящего существа.

Изучение лингвистической категории иронии требует рассмотрения этимологии данного термина и изучения исторических и культурных условий появления термина «ирония». В отечественных и зарубежных справочных изданиях зафиксировано греческое происхождение данного термина [1, с. 285]. Факт заимствования греческого термина «ирония» упоминается и в работах отдельных исследователей, занимающихся изучением иронии как категории эстетики и категории стилистики (М.Ю. Скребнев, О.С. Ахманова, Ю.Б. Борев, СИ. Походня, Д. Чавчанидзе, Л.И. Тимофеев, Л.В. Чернец и др.).

«Ирония» на уровне бытового общения воспринимается как общеупотребительная лексическая единица, и, как правило, выражает общее представление о комической ситуации, ситуации критики или осмеяния. То есть, как отмечают ученые-терминологи Б.Н. Головин и Р.Ю. Кобрин, слово «ирония» реализует свое нетерминологическое значение [2, . 104].

Современные словари, как правило дают понятия слова «ирония»: «тонкая насмешка» и «стилистический прием контраста видимого и скрытого смысла выражения, выражающий некое подобие насмешки». В свою очередь, Аристотель определяет иронию, как высказывание, содержащее насмешку над тем, кто в действительности так думает». В широком понятии иронии, как бесконечной абсолютной отрицательности, сказано, что ирония не противостоит отдельному феномену существующего, но что все настоящее становится чуждым субъекту иронии, а в свою очередь он также становится чуждым всему существующему, и в следствие того, что своего рода действительность для него утрачивает свою закономерность, так как он

становится недействительным. В данном контексте, слово «действительность» употребляется в значении «действительности иронической», то есть действительности, имеющей место быть в определенное время и при определенных обстоятельствах [3, с. 128].

Современная лингвистика выделяет следующие виды иронии: простая ирония, анти ирония и самоирония.

Под прямой иронией понимается способ принизить, придать смешной, либо отрицательный характер описанному явлению.

Анти ирония противопоставлена прямой иронии и дает возможность представить объект иронии в недооценённом виде.

Самоирония - это вид иронии, направленный на личность говорящего. В анти иронии, а также самоиронии отрицательный смысл высказывания может подразумевать обратный (положительный) подтекст [4, с. 139].

Также, лингвистическая наука выявляет диалогическую природу иронии и дает возможность проанализировать отношения между предметами иронических высказываний и сознаниями автора и адресата. Для большей части современных исследований, начальной точкой является аксиома о том, что в несущем смысле иронического общения лежит необходимость в активном интеллектуальном контакте его участников. Для разъяснения главной сути иронии, также следует обратить внимание на её знаковую природу и парадоксальность.

Традиционно, данный феномен позволял рассматривать «иронию» в её ментальном и лингвокультурном образованиях, определяя функции иронии в виде формирования особенностей национального видения мира.

Современная лингвистическая наука выявляет предпосылки для изучения иронических контекстов и иронии на уровне схожих наук: культурология, психолингвистика, психология, и прочие.

В привычном употреблении иронии становится ясно, что для выражения всех смыслов иронических оттенков, используются слова, словосочетания, предложения, положенные. Главенствующим фактором трактовки иронии в контексте художественных произведений является знание реалий из разных областей жизни, культуры, истории народа. Ирония основана исключительно на опыте знаний языкового коллектива, который является результатом социальной жизни и культурной общности [5, с. 278].

Контекст и паралингвистические факторы несут огромную значимость для процесса интерпретации, а также свидетельствуют о ситуативной обусловленности, так как для иронических указателей необходим расширенный контекст. Но следует отметить, что при процессе толкования смысла иронии какого-либо контекста, необходимо обратить внимание на

взаимообусловленность и взаимодействие имплицитных и эксплицитных авторских высказываний. Таким образом, контрастной основы контекстуальных условий, может создать второй план при противопоставлении с первым, а также контекстуальные и предметно-логические значения, эмоциональные и оценочные компоненты, дают возможность выявить иронично-маркированные текстовые единицы.

Такие средства создания иронии, как метафора, перифраз, образное сравнение, каламбур, аллюзия помогают углубить знания о контекстуальной спецификации функций иронии, а также аспектов её проявления. Также следует отметить функцию интерпретации переноса иронического смысла, которая способствует восприятию имплицитности значения единицы текста на подсознательном уровне [6, с. 314].

На лексико-семантическом уровне ирония осуществляется с помощью организации языковых средств, как в структуре повествования автора, так и в речи действующих лиц, а также создается широкий диапазон стилистических приемов (метафоры, каламбура, аллюзии, оксюморона, образного сравнения, гиперболы, зевгмы, олицетворения). К иронически маркированным приемам относят способность создания оттенка модальности, т.е. возможность выявить негативное отношение автора высказывания к действующим факторам. В данном случае, ирония не прямолинейно показывает отношения между предметно-логическим значением слова к контекстуальному.

Критериями для выбора маркированных иронически-стилистических средств могут служить: 1) возможность создания второго плана, который контрастирует с основным; 2) различие между контекстуальным и предметно-логическим значениям; 3) присутствие эмоционально-оценочного фактора. Весомым является факт, что способность создания иронического эффекта не является характеристикой, системно-закрепленной за лексическими единицами.

Из этого следует, что первостепенное значение необходимо уделять контекстуальным условиям реализации иронического смысла, учитывающие как лингвистические, так и экстралингвистические факторы, которые являются проявлением функционального подхода в изучении иронии [7, с. 239].

Библиографический список

1. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. — М.: Русский язык, 2003. — 285 с.
2. Головин Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах. — М.: Высшая школа, 2013. — 104 с.
3. Походня С.И. Языковые виды и средства реализации иронии. — Киев: Наукова Думка, 2005. — 128 с.

4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Просвещение, 1998. — 139 с
5. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — 278 с.
6. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений — М.: Наука, 2009. — 314 с.
7. Виноградов В.В. О теории художественной речи. — М.: Высшая школа, 2001. — 239 с.

УДК 811.161

Полонникова О. Л. Компрессия как средство выражения закона языковой экономии в современном английском языке

Compression as a means of expressing language economy law in the modern English language

Полонникова Ольга Леонидовна

Донецкий институт железнодорожного транспорта, г. Донецк

polonnikovaolga@yandex.ua

Polonnikova Olga Leonidovna

Donetsk Institute of Railway Transport, Donetsk

Аннотация. В статье исследуется проблема точной и экономичной передачи информации, выраженной в одном языке средствами другого. Изучается явление компрессии, которое является одним из аспектов выражения закона языковой экономии и, одновременно, средством достижения ясности высказывания. Рассматриваются существующие подходы к определению явления компрессии. Систематизируются некоторые наиболее типичные пути перевода компрессированных структур. Выясняется, что компрессия в современном английском языке является высокопроизводительным средством языковой экономии.

Ключевые слова: компрессия, языковая экономия, информационный обмен, способы перевода, компрессированная структура.

Abstract. In the article, the problem of accurate and economical transmission of information expressed in one language by means of another one is researched. We study the phenomenon of compression, which is one of the aspects of expressing language economy law as well as a means of achieving understandability of

expression. The existing approaches to the definition of the compression phenomenon are considered. Some of the most typical ways of translating compressed structures are systemized. It turns out that the compression in the modern English language is a highly efficient means of language economy.

Key words: compression, language economy, information exchange, translation, compressed structure.

В современной науке о переводе и языке отсутствует целостное и системное понятие компрессии. Необходимость анализа этой проблематики продиктована не только узкоспециализированным лингвистическим подходом, но и современным состоянием общества, которое характеризуется стремительным развитием информации и новых технологий. Перед учеными различных специальностей возникает проблема адекватного информационного обмена и, одновременно, экономичной передачи речевых сигналов. Вопрос оптимального способа передачи информации с одного языка на другой выходит на первый план еще и из-за наличия в языке избыточных элементов. Лаконичность и правильность передачи мысли при переводе является неотъемлемым требованием, но в то же время остается необходимым и разъяснения носителю другой культуры определенных непонятных понятий или явлений. Проблема точной передачи информации, выраженной в одном языке средствами другого, является актуальной не только в лингвистике, но и во всех областях науки.

В нашей работе мы исследуем явление компрессии, которое является одним из аспектов выражения закона языковой экономии и, одновременно, средством достижения ясности высказывания.

К рассмотрению явления компрессии, как свидетельствует обзор современной лингвистической литературы, обращается много ученых. Так, научный труд Б. П. Дюндика посвящен экономии в языке и речевой деятельности, М. М. Сизов исследует явление компрессии на материале английской прессы, труд Е. Я. Алянской основывается на исследовании материала технических текстов. В нашем исследовании мы считаем целесообразным рассмотреть существующие подходы к определению явления компрессии, ведь каждый из ученых трактует феномен языковой экономии по-своему.

Существуют два подхода к рассмотрению компрессии – в широком и узком смысле. В широком смысле компрессия рассматривается как одна из главных тенденций функционирования языка, которая действует во всех ее сферах, но проявляется по-разному, более или менее интенсивно, в зависимости от коммуникативной ситуации. Компрессия в узком смысле – это набор тех

конкретных средств, которые служат целям реализации компрессии в широком смысле на всех языковых уровнях [5, с. 7].

По мнению К. Г. Крушельницкой [4, с. 375], возможность «не называния» отдельных компонентов мысли или даже целой мысли заложена в самой системе языка в виде особых форм и конструкций, которые служат для выражения тех или иных элементов сообщения в определенных коммуникативных ситуациях.

Т. И. Кармазина отмечает [3, с. 4], что термин «компрессия» в широком смысле подходит для описания любого процесса «сокращения» количества языковых знаков для выражения определенной ситуации. В таком широком, общем значении термин «компрессия» охватывает разнообразные качественно различные синтаксические процессы.

В соответствии с определением И. В. Соколовой [7, с. 52], компрессия является результатом экономии языковых средств и достигается за счет языковых средств всех уровней, в том числе и категории повтора.

Согласно определению Б. П. Дюндика [2, с. 283], компрессия является особым видом преобразований и способствует приведению развернутых синтаксических конструкций к более простому виду, способных, однако, передавать тот же объем информации, что и полные развернутые конструкции.

По нашему мнению, содержание понятия языковой экономии исчерпывающе раскрывается в определении А. И. Панченко. Компрессия представляет собой лингвистическое явление, что находит проявление в использовании сжатых форм (фонетических, лексических, грамматических), которые несут ту же самую информационную нагрузку, что и соответствующие полные формы [6, с. 64].

Краткость изложения вызывает значительные трудности при переводе английских научно-технических текстов на русский язык. В нашей работе мы пытаемся систематизировать некоторые наиболее типичные пути перевода компрессированных структур.

1) Структура, в которой глагол употребляется с двумя различными дополнениями и предлогами. При переводе такая конструкция разворачивается, и возникает необходимость добавить еще один глагол: I **put** the information **down** and my notes **away**. – Я **записал** информацию и **отложил** мои записи в сторону.

2) Эллиптическая конструкция, содержащая глагол с разными предлогами, но с одним и тем дополнением: This scientific journal **is written about** and **for** the scholars who work in this field. – Этот научный журнал издается для ученых, работающих в этом направлении, и **сообщает** о результатах их деятельности.

При переводе вводится еще один глагол, а значение, с которым употреблен первый предлог, приходится разъяснять.

3) Эллиптическая конструкция, в которой существительные, означающие обстоятельство места, опускаются благодаря абсолютному употреблению предлогов: *She hesitated for a moment but then decided it was better to stay **away**.* – Она задумалась на минутку, но потом решила, что лучше держаться **подальше от дома**.

4) Особый вид компрессии достигается использованием постпозитива: *I went to the box office to find out which performance **was on**.* – Я отправился к театральным кассам, чтобы узнать какой спектакль сейчас **показывают**.

5) Использование инфинитива в функции постпозитивного определения способствует образованию структур, которые переводятся, как правило, придаточным предложением. Например: *It was another successful attempt **to make the consumer remember** the name of the product.* – Это была еще одна неудачная попытка **сделать так, чтобы потребитель запомнил** название их продукции.

6) Компрессия может достигаться и независимым номинативным деепричастным оборотом, который переводится сложноподчинённым предложением. Например: ***The reconstruction of the terminal having been completed**, the flow of passengers has been considerably increased.* – **Когда реконструкция вокзала была завершена**, пассажиропоток значительно возрос.

7) Инфинитивный оборот с предлогом *for* (*for-phrase*) при переводе на русский язык, как правило, разворачивается. Например: ***For low temperature to be maintained** inside the refrigerator cars their walls must be airproof.* – **Чтобы поддерживать низкую температуру** внутри вагонов - рефрижераторов, их стены должны быть воздухонепроницаемыми.

8) Герундиальный оборот – еще одна форма компрессии в современном английском языке, перевод которой осуществляется с помощью придаточного предложения. Например: *The law has been imposed **for improving** the economic situation in the country.* – Этот закон был введен, **чтобы улучшить** экономическую ситуацию в стране.

Проведенный в работе анализ позволяет утверждать, что компрессия в современном английском языке является высокопроизводительным средством языковой экономии. Кроме того, переводя компрессионные англоязычные структуры на русский язык, необходимо помнить о важности применения различных переводческих приемов, которые облегчают восприятие информации для реципиента. Дальнейшие исследования проблематики экономичной передачи речевых сигналов видим в исследованиях современных

подходов к созданию и функционированию компрессированных англоязычных структур, анализу их видовых характеристик, изучении разнообразных средств языковой компрессии и способов перевода.

Библиографический список

1. Алянская Э.Я. Свертки и терминологические субституты многокомпонентных определительных терминологических словосочетаний. К проблеме связности и компрессии английского технического текста: автореф. дисс. канд. филол. наук: спец. 10.02.04. – «Германские языки» / Э. Я. Алянская. – Л., 1977. – 19 с.
2. Дюндик Б. П. Компрессия и некоторые вопросы перевода // Бизнес-образование и эффективное развитие экономики. – Иркутск: ИГУ, 2007. – С.282-288.
3. Карамзина Т. И. Конструкции с компрессированным предложным определением в современном английском языке: автореф. дисс. канд. филол. наук: спец. 10.02.04. – «Германские языки» / Т. И. Карамзина – М., 1984. – 24 с.
4. Крушельницкая К.Г. Проблемы взаимосвязи языка и мышления. // Общее языкознание, под ред. Б.А Серебренникова. – М.: Наука, 1970. – С. 371-416.
5. Литвин С. И. Компрессия художественного текста в двуязычной ситуации: На материале английского и русского языков: автореф. дисс. канд. филол. наук: спец. 10.02.02. – «Русский язык» / С. И. Литвин. – М., 2003. – 21 с.
6. Панченко Е.И. Лингвистика сжатого текста: дис. доктора филол. наук: спец. 10.02.02. – «Русский язык» / Е.И. Панченко. – Днепропетровск: ДГУ, 1998. – 380 с.
7. Соколова И. В. Прагматико-коммуникативные характеристики категории повтора в текстах-анонсах: дисс. канд. филол. наук: спец. 10.02.04. – «Германские языки» / И. В. Соколова. – Сумы, 2002. - -201 с.

УДК 811

Эрдниева Е.А., Анджеева О.А., Лиджи-Горяева М.С. Английские заимствования в китайском языке

English borrowed words in Chinese language

**Эрдниева Евгения Анатольевна,
Анджеева Ольга Арашевна,**

Лиджи-Горяева Мария Саналовна
Калмыцкий государственный университет, г.Элиста

**Erdnieva Evgeniya Anatolyevna,
Andzhaeva Olga Arashevna,
Lidzhi-Goryaeva Mariya Sanalovna**
Kalmyk State University, Elista

Аннотация. Статья посвящена исследованию английских заимствованных слов в китайском языке. В статье рассматриваются способы заимствований и их роль в обогащении словарного состава языка.

Ключевые слова: заимствования, китайский язык, английский язык, калькирование, фонетическая адаптация.

Abstract. The article is devoted to research of the English loan words in the Chinese language. The article considers the methods of borrowings and their role in enlargement of lexical content of the Chinese language.

Keywords: loans, the Chinese language, the English language, calque, phonetic development.

Заимствования являются важным свидетельством контактов между различными этническими группами, народностями, нациями, помогающим не только в изучении языковой системы народов, но и в прослеживании и понимании этапов их исторического развития, особенностей материальной и духовной культуры, социального устройства, менталитета. Языковое заимствование представляет собой процесс вхождения единиц или явлений одного языка в другой [4, с. 39].

Заимствования являются одним из источников обогащения любого языка, в том числе и китайского языка. Как известно, в своем историческом развитии Китай взаимодействовал только со своими непосредственными соседями и многие столетия был изолирован от западного мира, что препятствовало проникновению в китайский язык иноязычной лексики. Только после осуществления Китаем политики реформ и открытости в Китай стала постепенно проникать европейская культура, а вместе с ней и английские слова.

А.Л.Семенас в статье «Особенности лексических заимствований в китайском языке» выделил две основные причины заимствования иностранных слов: 1) необходимость выражения новых значений; 2) потребность в

обновлении лексической системы путем замены потерявших свою выразительность лексических единиц на новые более выразительные [5, с.48].

Иноязычные слова, проникая в язык- реципиент, подвергаются внутренним законам нового для него слова и осваиваются, подчиняясь лексическим, грамматическим и фонетическим нормам языка- реципиента.

Фонетический способ заимствования является важным в китайском языке. Из всех видов заимствований наибольшее распространение имеет фонетический вид, несмотря на трудности, связанные с переложением произношения. Для носителей китайского языка каждый слог, обозначенный иероглифом, является не только фонетической, но и смысловой единицей.

Рассмотрим несколько примеров фонетической адаптации англицизмов в китайском языке.

Например, термин *кофе* стал в китайском языке явным примером фонетического заимствования – английское слово *coffee* перенесено китайскими фонетическими знаками 咖 *kā* и 啡 *fēi*, которые схожи только по звучанию и не имеют смыслового значения. Слово *какао* получило транскрипцию 可可 *kěkě*. Составляющий его иероглиф имеет свое значения: 1. мочь, быть в состоянии; 2. разрешается; 3. однако. То есть по смыслу не связан с этим напитком.

В 20-40-х годах «Кока-кола» выпускалась в бутылках с надписью на английском «Coca-cola». С широким распространением на рынок Китая в конце 70-х, американцы решили перевести название напитка на китайский язык, но потерпели неудачу, потому что в китайском языке каждое иностранное слово записывается китайскими иероглифами, а каждый иероглиф имеет свое значение. Так получилось, что, уже напечатав этикетки с иероглифами «кэкун кэла», выяснилось, что это выражение имеет похожий смысл «*кобыла, наипигованная воском*», попробовали перевести как «кэку кэла» – получилось не лучше: «*кусай воскового головастика*». В итоге, удалось найти очень удачное «*kěkǒukělè*» 可口可乐, которое можно перевести как «ласкает рот, ласкает душу» [7, с. 40-41], а если точнее, – «приятный на вкус, можно повеселиться» или «приятный на вкус и забавный, веселящий».

В китайском языке есть слова наиболее точно схожие с заимствованными терминами. Например, наименование алкогольных напитков 威士忌 *wēishìjì* – виски, 白兰地 *báilándì* – бренди. Ни один иероглиф по смыслу не имеет отношения к спиртному, а употреблен только для звукоподражания. К этому же разряду заимствований относятся слова:

克兰姆–*kèlánmǔ* – грамм, 克菲尔–*kèfēiěr* – кефир, 卡拉特–*kǎlātè* – карате, 批萨–*pīsa* – пицца, 迷你–*mínǐ* – мини, 维他命–*wéitāmìng* – витамин, 麦克风–*màikèfēng* – микрофон, 香波–*xiāngbō* – шампунь, 阿司匹林–*āsīpílin* – аспирин,

比基尼–*bījīnǐ* – бикини, 模特儿–*móter* – модель, 瑜伽–*yújiā* – йога, 普拉提–*pǔlātí* – пилатес и др.

Также одним из основных способов заимствования является калькирование, которое находит широкое применение в области создания специальной лексики китайского языка.

При калькировании иностранное слово или словосочетание подвергается разложению на значимые части, затем эти части лексического комплекса более или менее точно переводятся на китайский язык, сохраняя при этом его словообразовательную структуру.

Путем калькирования из европейских языков заимствованы китайским языком следующие лексические новообразования:

高峰时间 *gāofēng shíjiān* часы пик;

速溶茶 *sù róng chá* быстрорастворимый чай.

冰棒 *bīngbàng* эскимо, где 冰 – лёд, мороженое, а 棒 – палка, палочка.

Широкая компьютеризация принесла в Китай из английского кальки:

– 网吧 *wǎngbā* – интернет-бар (интернет-кафе);

– 网友 *wǎngyǒu* – друг по интернету;

– 网虫 *wǎngchóng* – интернет-червяк – любитель засиживаться в интернет-сетях;

Определенные термины-кальки пришли в Китай с западными предметами современной одежды:

库娃 *kùwà* – колготки, дословно – как бы комбинация брюк и чулок;

牛仔褲 *niúzáikù* – джинсы, буквально брюки для пастухов (ковбоев).

Для китайского языка важно сделать заимствования более понятными, ввести их в определенные лексико-грамматические разряды слов. Это проявляется в присоединении к заимствованным словам односложных и более сложных слов, определяющих их родовые понятия. Однослог или сложное слово обладает классифицирующим свойством, т.е. указывает, к какой группе или классу понятий оно относится.

Вследствие такого соединения получаются слова-гибриды, например:

摩托 车 *mótuōchē* «мотоцикл; дрезина», где 车 – повозка, тележка;

吉普车 jǐpǔchē «джип»;

芭蕾舞 bālěiwǔ «балет», где 舞 – танцевать, топтаться;

Мало изученным явлением китайского языка, распространенным среди молодежи при электронной переписке (в e-mail, SMS, Skype), является использование омонимических созвучий китайских числительных и отдельных иностранных заимствований. Например:

39	Thank You	Спасибо
505	SOS	SOS (использовано графическое сходство знаков «5» и «S»)
881	拜拜唉	Пока (bye-bye)

Важно отметить, что это, конечно, не официальная и далеко не повсеместно принятая практика. Скорее, это элемент субкультуры отдельных групп молодежи, но также имеет право на существование и хождение в определенных и довольно немалочисленных кругах.

Завершив рассмотрение и анализ положения иностранных языков в современном мире, его положения в Китае и достаточно широкой области заимствований английских слов в китайском языке, можно сказать, что все это имеет место и в повседневном разговорном языке, и в специализированных отраслях и сферах. Данная статья содержит краткий обзор заимствованных слов и выражений из английского языка, а также способов их правильного перевода. Учитывая тот факт, что носители китайского языка нередко отдают предпочтение использованию слов иноязычного происхождения в силу того, что они более точны и экономичны, необходимость знания заимствований только усиливается. Что касается современной китайской молодежи, то можно еще рассматривать данное явление и как «своеобразную моду».

Библиографический список

1. Щичко В.Ф. Теория и практика перевода: учеб.пособие.- М.: Восток-Запад.- 2004.-223 с.
2. Семенас А.Л. Лексика китайского языка. - М.- 2010. – 280с.
3. Спешнев Н.А. Введение в китайский язык. Фонетика и разговорный язык. – СПб.- 2003. – 256 с.
4. Андреева С.В. Старославянские заимствования в русском языке // Всероссийская научно-практическая конференция «Культурно-историческое взаимодействие русского языка и языков народов России». – Элиста: Изд-во Калм. ун-та.- 2009. – С. 39-40.

5. Семенас А.Л. Особенности лексических заимствований в китайском языке // Вопросы языкознания.- 1997.- № 1.- С.48-57.
6. Солнцев В.М. Очерки по современному китайскому языку. – М.- 1957. - 204 с.
7. Печенкин В. Чайна: Что и как пьют в Китае. – М.: Ад Маргинем Пресс.- 2008. – 51 с.

Электронное научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Международный научно-практический журнал

№ 11/2016

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к сотрудничеству обращаться по электронной почте mail@scipress.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

ISSN 2412-8953

Формат 60x84/16. Тираж 100 экз.

Издательство «Открытое знание»

Адрес редакции: Россия, 603037, г. Нижний Новгород, ул. Островского, 9.